

АЗАМАТ САИТОВ

*В краю
несгибаемых
кураев*

*(Публицистические
размышлизмы)*

Уфа — 2015

УДК 821.161.1-4
ББК 84 (2 Рос)-4
С 14

Азамат Саитов

С 14 В краю нестигаемых кураев. — Уфа: ГУП РБ
Уфимский полиграфкомбинат, 2015. — 128 с.

Хочу сразу оговориться: в заглавии моих журналистских записок нет даже намека на иронию или, того хуже, издевку. Курай, растение с жестким стеблем из семейства зонтичных — символ нашего края. Ну, а нестигаемость, как известно, неплохое качество для любого из живущих. Потому тот, кто родился в Башкортостане, безо всяких комплексов может отождествлять себя с этим растением.

Лично я — типичный «нестигаемый курай». Чем, кстати, и горжусь. Одного не пойму: почему меня за столь метафорический образ республики — «край нестигаемых кураев» — невзлюбили в свое время рахимовские чиновники? Да что об этом нынче вспоминать? Бог им судья, тем людишкам...

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Любой из нас не прочь отдаться на досуге самоедству. Только каждый делает это по-своему. Одни предаются критическому самоанализу без лишней огласки, в тиши укромного уголка. Другие же, наоборот, предпочитают бичевать себя прилюдно, что, согласитесь, бывает реже.

«По несчастью или к счастью, истина проста: никогда не возвращайся в прежние места!» — предостерегал нас в свое время Геннадий Шпаликов. А может, надо? Хотя бы для того, чтобы вспомнить себя иным, воскресить ненадолго дорогих сердцу собеседников, ушедших в глубь времен. Или, скажем, прочувствовать в сегодняшнем относительном комфорте ту же тесноту первой собственной жилплощади.

Да мало ли всего, что сохранилось в закоулках нашей памяти!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Счастлив тот, кто не ошибся в жизни с выбором профессии. А если любимое дело к тому же приносит достаточно средств — и вовсе удача! Хотя «достаточно» для сегодняшних цен — понятие относительное. Скажем так: когда очередные деньги появляются при наличии неистраченных купюр в кошельке. Иногда мне по-человечески жаль наших олигархов, их пресыщенных чад. Богатство, как мне кажется, может тяготить. Ну, заработал свои миллионы праведными или не совсем богоугодными делами, окружил себя роскошью, накупался вволю в ванне с шампанским. Деток побаловал, по заграницам покатался. А дальше что? Да, деньги делают деньги. Но ведь это бег по кругу! Глянул окрест — а рядом такие же, как сам. Пресыщенные, уставшие от внезапного изобилия. Ничего не поделаешь — своя среда, куда впускают лишь избранных. У всех поголовно на физиономиях прописана скука. Глядит такой папаша на своих младшеньких, а у них в глазах та же недетская тоска. Им, возможно, хочется подурачиться со сверстниками во дворе, без опаски испачкать в забавах обновки известных брендов. Или посекретничать с кем-либо о сокровенном. А вот нельзя — нет настоящих друзей рядом! Есть другие, такие же «сливки общества», во всем копирующие родителей. И представление у таких деток о будущем зачастую стереотипное: престижный колледж по выбору пред-

ков, достойный бизнес, прислуга, личный садовник. Им даже в голову не приходит, что археолог или, скажем, агроном-селекционер — уважаемые профессии. И что, возможно, именно на этом поприще поджидает их счастливая судьба...

Пометки на полях. Я, наверное, в прошлой жизни был таксистом. Обожаю сидеть за рулем, куда-то двигаться, кого-то везти. Единственное, в чем не соответствую образу кучера, предпочитаю ехать молча. Думаю, слушаю автомагнитола, которую в пути никогда не выключаю. Музыка при этом нужна лишь как фон. Если кто спросит, какая композиция только что отзвучала, не сразу-то и припомню.

А вот пассажиром быть для меня — мука! Любая дорога в более чем сто верст — в тягость. Изъерзаюсь, устав таращиться в мелькающий за окном пейзаж уже после первых километров. Увы, езда не укачивает при этом до спасительной дремоты. Наверное, наездился за годы работы. А раньше, помнится, был легок на подъем. Едва труба позовет — тут же в дорогу...

Мне, считаю, с профессией повезло. Хотя понял, признаюсь, это не сразу. В солдаты меня «забрили» дипломированным горняком из Ленинградской области: за плечами был техникум, работа на золотых приисках Чукотки, стаж помощника машиниста экскаватора на сибайском медном руднике. Два года армейской службы — срок немалый. Решил: в карьер больше не спущусь, душе хотелось чего-то иного...

В середине семидесятых прошлого столетия мое поколение считалось поколением романтиков. Кстати, мы на самом деле были

такowymi. Объяснялось это многими вещами. Во-первых, родились спустя десятилетие после войны, практически в восстановленной стране. По крайней мере, руин уже не было, село набирало силу, сталинские порядки начали забываться. Старшее поколение с надеждой шагало в завтрашний день, большая страна окружила заботой подрастающую смену. Во-вторых, практически у всех было вполне счастливое, беззаботное детство. Мы гордились октябрятскими значками, торопились в пионеры, не представляли своего будущего без комсомола. Романтика БАМа манила нас, молодых и уверенных в правоте своей страны, на ударные всесоюзные стройки. Остановить свой выбор на профессии токаря или строителя было вполне естественным, взрослым решением.

— Знаешь, пап, — сказал мне как-то сын, — хотел бы пожить в твоё время!

Я не нашёлся тогда — каким аргументом разубедить его, что и у нынешнего поколения всё очень даже неплохо. Сейчас, кажется, знаю, что сказать: у них, теперешних, есть право на личный выбор. Мы же пребывали в плену идеологических постулатов. Окружённое заботой взрослых, под зорким надзором всевидящего КГБ и соответствующих отделов партийных структур, моё поколение росло практически в тепличных условиях. При этом полностью лишено было своего собственного голоса. Коллективом выступать — пожалуйста, но в поддержку общего курса страны и партии. Вот и думай теперь, что лучше...

Мы не чурались тяжелой работы. Непрестижных профессий, действительно, в наше время практически не было. Но мне почему-то работать хотелось там, куда бы поутру торопился с удовольствием и не бежал сломя

голову в сторону дома по завершении трудовой вахты. Родившийся в деревне, научившийся, как пел Высоцкий, «пить, курить и материться» в рабочем городке, я грезил о профессии необычной. Такой, о какой мои родители в свое время и мечтать-то не могли...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дембельский путь пролегал через Свердловск. В кармане кителя грела душу рекомендация из войсковой части во ВГИК — направление на режиссерский факультет. Правда, пока на подготовительное отделение — рабфак. Тогда, во времена СССР, была такая тропка для служивых ребят: отбыл свое в армии достойно — получи от командования поощрение в виде документа на поступление в любой вуз большой страны по выбору. А я с шестого класса мечтал о режиссуре. Даже на журнал «Советский экран» отца уговорил подписаться, читал запоем скучнейшие для других рецензии на фильмы, интервью с мэтрами кино. А первые страницы с фотографиями артистов (нынче бы сказали — постеры) раздавал друзьям-подружкам. Тогда из них они целые «иконостасы» на стенках выклеивали!

Так вот: в Свердловске самолет приземлялся буквально на полчаса. Производил дозаправку, высаживал одних, забирал других и летел себе дальше. Но случилась, видимо, какая-то поломка. Надолго, сказали, чуть ли не до ночи. Я, чтобы не томиться в аэропорту, поехал в город. Добрался до центра — остановки «Оперный театр», позирался. Как выяснилось, на свою голову! Напротив храма искусства высилась серая громада Уральского государственного уни-

верситета. Решил зайти, благо, время позволяло. На входе пожилой вахтер ласково спросил: «На рабфак, служивый?». Я, подкрутив мысленно отсутствующие усы, солидно кивнул. И пошел в направлении гостеприимно махнувшей руки. В канцелярии подготовительного отделения в одиночестве грустило безобидное создание — беременная девчушка.

— Ну, что у нас тут? — сурово спросил я, поскрипывая неуставным офицерским ремнем и начищенными до блеска хромовыми сапогами (все дембеля обожали почему-то подобный карнавальный стиль).

— Ой, все хорошо! — защебетала девчушка, отрываясь от пишущей машинки. — И на биофак уже набрали, и на физмат. На философский, филологический, исторический тоже народ идет. Вот только на журналистику недобор: надо тридцать пять направлений, а у нас всего семнадцать. А через три дня документы принимать заканчиваем...

Я молча развернулся, вышел, по табачному запаху добрал до туалета. И начал думку думать. «Кино, конечно — дело хорошее. Но пока до Москвы доберусь, время уйдет. А вдруг и там перебор на режиссуру? Мало ли по стране в эти дни таких как я дембелей шастает? Что тогда, в карьер спускаться? А тут дело — верняк!».

Наконец решился: вписал название вуза со своей фамилией в запасной бланк направления, не заполненный армейским руководством, но, тем не менее, заранее украшенный печатью и подписью генерала дивизии — подарок от знакомого штабного писаря. Девчушка моему возвращению обрадовалась. И буквально засияла, узнав, что меня доблестные стратегические ракетные войска

большой страны именно в Уральский гос университет и откомандировали.

— Ура, еще один на журналистику! Все, через недельку ждем на собеседование. Да, не забудьте захватить все свои публикации.

— А это что за хрень?

— Ну, ваши газетные материалы, — пояснила собеседница.

— А, ну да, конечно, — смекнув, в чем дело, уверенно пробасил я. — Как же иначе...

Их, этих чертовых публикаций, у меня, конечно же, и в помине не было. Но, как говорится, наглость города берет. Вернувшись домой, с порога огорошил отца вестью: почти, мол, поступил на журфак! А он, бедолага, все два года моей службы втайне от меня наводил, оказывается, мосты с горным институтом в ближайшем Магнитогорске — мечтал о моей инженерной карьере в Башкирском медно-серном комбинате...

Наутро направился в местную городскую газету. Гордо помахивая приглашением на собеседование в университет, попросил у редактора задание. К слову сказать, УрГУ имени А.М. Горького среди профессионалов-газетчиков считался тогда лучшим в стране вузом по подготовке журналистов. Оценив сей факт, задержанный текучкой редактор отправил меня на обогатительную фабрику. Напиши, мол, про флотатора (есть такая специальность у горняков). Только забыл предупредить: флотатор этот, женщина, не только в Сибире, но и в стране была человеком известным — Героем Соцтруда. В родном же городе с ее славной трудовой биографией знаком был практически каждый. Потому в местной газете о знаменитой землячке писали постоянно.

Вооружившись парой блокнотов и россыпью авторучек, я пошел на «первое дело». Поймав в обеденный перерыв знатного флотатора, добрый час выпытывал все подробности ее жизни. Надо было видеть, с какой скоростью после такого допроса с пристрастием моя героиня бежала от меня!

Наутро принес в редакцию свой «шедевр» — куцую справку о передовике производства. Редактор скривился, отмахнулся от меня: «Иди уж, писака!». И, видимо, не отходя от стола, тут же сам сотворил довольно сносную зарисовку в надежде, что более со мной не встретится. Но после выхода первой публикации я вновь нарисовался в проеме двери его кабинета. Принес рассказ, написанный еще в армии, в госпитале, куда угодил после выездных учений. Редактор недоверчиво взял рукопись, сослался на занятость и быстро улетучился по каким-то «срочным» делам. Тем не менее рассказ появился в следующем номере газеты почти без купюр! А редактор при встрече удивленно поцокал языком: «Знаешь, парень, из тебя, возможно, толк выйдет».

С этими двумя жалкими публикациями я и поехал штурмовать журфак...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Телевидение — штука, должен заметить, заразная. Тот, кто хоть однажды каким-то боком поучаствовал в создании небольшого сюжета или побывал на съемках полнометражной телепередачи, знает: процесс этот чертовски увлекательный! Тема передачи может быть не интересна большинству, и даже самим телевизионщикам. Такое тоже случается. Но вот аура съемок, которую мы называем профессиональной кухней, не может

оставить безучастными тех, кто делом своей жизни сделал столь необычное ремесло.

Сегодня не мыслю себя без телевидения. Хотя, положа руку на сердце, могу сказать: первое время тосковал по прежним газетным будням, по ручке и блокноту. Непосвященным поясню: работа в печатном издании и на ТВ принципиально отличаются. Если в газете журналист творит в гордом одиночестве, больше шлифуя в уединении стилистику будущей статьи, то телевизионщик — человек команды. При этом одеяло на себя умный журналист не тянет. Сработаешь сам хорошо — не факт, что конечный продукт получится, как задумывал. Свой вклад, причем равноценный, вносят и оператор, и специалист по звуку, и инженер монтажа. Даже установщики декораций в студии могут как улучшить конечный результат, так и устроить «засаду». Последний штрих, конечно же, добавляет режиссер. Вот такая она, телевизионная «кухня».

Впервые порог студийного павильона Башкирского телевидения я переступил более четверти века назад. Поменял же любимую до того профессию газетчика вынужденно: стал неожиданно изгоем для башкирских печатных изданий после одной из своих публикаций в «Труде». Родная «Вечерка», где работал до отъезда по семейным обстоятельствам в Москву, по возвращении на малую родину обратно на работу не взяла. А тогдашний шеф республиканского издания «Советская Башкирия» Николай Петрович Каменев красноречиво показал пальцем на потолок: мол, там недовольны были твоими последними статьями.

Я бы, конечно, оставался в белокаменной и дальше. Тем более, что стал уже к тому времени спецкором главной профсоюзной

газеты страны. Появилась даже собственная жилплощадь в лесопарковой зоне Москвы — Тайнинке. О чем еще можно было мечтать в возрасте Христа! Но в Уфе, между тем, «куковали» без присмотра родители. Отец мой после непростой операции состоял на учете у онкологов, мать ухаживала за ним одна. Потому и пришлось вернуться. Потратив полгода на тщетные попытки пристроиться в любую, даже самую захудалую заводскую многотиражку, столкнулся случайно на улице с авторитетным писателем, в ту пору председателем республиканского Гостелерадио Динисом Мударисовичем Буляковым. «Знаю, кустым, о твоих проблемах, — посочувствовал он. — Давай к нам, на телевидение!». Я, понятное дело, согласился. Еще бы: в кармане звенели последние рубли, полученные в ювелирной комиссионке за обручальное кольцо недавнего молодожена.

Представляя меня новому начальству — Фанилю Кудакееву, тогдашнему главному редактору Башкирского телевидения, Динисагай подколол меня: «Ты уж извини, берем тебя, бывшего спецкора центральной газеты, на должность простого редактора (тогда в Гостелерадио это считалось низшей ступенькой)». Я не растерялся: «Ничего, главным стану через годик». И ведь стал! Правда, через пару лет — руководителем новой для республиканского ТВ редакции по подготовке программ для Центрального телевидения. Но о прежней газетной жизни грезил еще долго...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

При варке мяса, как известно, на поверхности бульона «вырастает» шапка из пены. Иная хозяйка снимает ее шумовкой, а другая разбивает ложкой — считается, что суп

в этом случае получается наваристее. Лично я предпочитаю второй вариант. Так и в жизни: все познается в сравнении. Верх при этом берет нажитый опыт. Один из наших любимых преподавателей на журфаке, профессор Рафаил Герасимович Бухарцев, однажды посетовал: человек, мол, несовершенен, так как учится лишь на собственных ошибках. Как часто убеждался я в правильности такого вывода!

Пометки на полях. Память наша избирательна. Вспоминается чаще то, что приятно самому. Но вдруг, ни с того ни с сего какие-то далеко не благостные ассоциации невольнo возвращают в давно ушедшие времена. И сам себе ты видишься почему-то посторонним глазом — как бы со стороны. Начинаешь судорожно искать в себе самом, тогдашнем, что-то в оправдание. Отчего так? — не знаю...

— А помнишь? — добрый взгляд Муртазы Губайдулловича по-отечески обволакивал меня, как и в прежние времена. — Как мы тогда, в 92-м, помнишь?

Разговор состоялся весной 2011-го — первая встреча с Рахимовым за прошедшие долгие годы. Уж не знаю, почему я уступил просьбе коллеги — собкора «Вестей» Азамата Салихова: мол, бабай не раз спрашивал о тебе. Ну, я и пошел тогда на эту встречу. Лично мне она ничего не дала, лишь вернула на часик в полузабытое прошлое.

Первый президент республики остался таким же, резко категоричным в суждениях, но в то же время приятным в общении собеседником. Больше говорил и вспоминал он, а мне оставалось лишь поддакивать. Но я все ждал той паузы в разговоре, чтобы задать

единственный вопрос, с которым пришел к нему: почему он так не по-людски обошелся со мной? С человеком, который был рядом с ним еще со времен его директорства на нефтеперерабатывающем заводе, с первого дня начала политической карьеры и до триумфа 98-го года, когда удалось взять верх над конкурентами в непростой президентской гонке.

Те выборы, должен заметить, складывались весьма непросто: даже ближайшие соратники Рахимова не решались прогнозировать ему победу. Соперники были не слабые — Марат Миргазиев и Александр Аринин. Затаились, помнится, тем летом в ожидании перевеса со стороны кого-либо из кандидатов силовики МВД, всякие большие и маленькие чиновники, поставленные у власти самим Рахимовым, сбавили прыть республиканские СМИ... Лишь наша небольшая команда телекомпании «Столица» с азартом политических камикадзе боролась за конечный результат. Возможно, потому на закрытом застолье в ДК «Нефтяник», сразу же после объявления конечных результатов, право первого тоста неожиданно для всех Муртаза Губайдуллович предоставил мне, сломав тем самым сценарий церемонии, продуманной организаторами победного банкета. Мы же поступили скромно: главред телекомпании Эльза Хорева вручила букет, а я, директор, вместо пламенной речи скупно подметил: победили, дескать, не мы, сидящие в зале, а верх взяла личная харизма самого Рахимова. И только. Чем заслужил, похоже, жгучую ненависть со стороны теневого начальника предвыборного штаба, новоиспеченного руководителя президентской администрации Исмагила Габитова. Он-то, вероятно, ощущал себя в тот вечер чуть ли не главным творцом победы Рахимова.

Расплата со стороны высокопоставленного чиновника не заставила себя ждать. Не прошло и года, как нас лишили эфира, тайком обрезав коммуникации, связывающие студию с республиканским телецентром. Президенту постоянно нашептывали: мы, телевизионщики «Столицы», стали опасны своей «неуправляемостью», непочтительны в общении с высокими аппаратчиками Белого дома... В одночасье из триумфаторов журналисты нашей телекомпании превратились в политических изгоев. Некоторые из них, которых в «Столицу» я набирал практически с улицы, уехали в Москву, неплохо котировались потом на федеральных каналах. Другие нашли свою нишу в Уфе. Сам же я на долгие двенадцать лет, вплоть до ухода Рахимова в отставку, был лишен возможности работать на телевидении. Бывало всякое: сидел иногда без средств, даже таксовал по ночам на своей «шестерке». На похороны матери, стыдно признаться, деньги пришлось занимать у знакомых. Встать на ноги помогла собственная газета, которую учредил с отчаянья. Не понаслышке зная о злопамятности Исмагила Габитова, ставшего к тому времени главным башкирским единокоросом, свое СМИ зарегистрировал подальше от его байского беспредела — в Москве.

Потому об одном хотел спросить при встрече, много лет спустя, у Муртазы Губайдулловича: почему он позволил своему окружению задушить «Столицу» — небольшую коммерческую телекомпанию с чистыми и светлыми ребятами? За время своего существования мы не попросили тогда ни копейки из бюджета. Да и сам я, будучи рядом с президентом почти десять лет, никогда не заикался о благодарности. Ни рубля не получил от него, ни квадратного метра. Един-

ственное, что имел — золотые наручные часы, подаренные Рахимовым в день нашего с ним рождения. Представлял, как задам во время встречи ему свой вопрос, сниму часы с руки, специально надетые по такому случаю, да и оставляю на столе — отныне, мол, я тебе ничего не должен. Однако не решился. Жалко стало его — пожилого и, в принципе, неплохого человека...

Пометки на полях. Журналистика во все времена должна быть аполитичной. Но мое поколение обучалось ремеслу в советское время, когда служители пера и микрофона и не думали скрывать, что они — идеологический отряд КПСС. У нас даже предмет на журфаке был с говорящим названием — «История партийной журналистики». Мы штудировали труды основоположников марксизма-ленинизма, свято верили, что «газета не только организатор, но и пропагандист». И со всей своей искренностью несли в массы непоколебимую веру в победу коммунистических идей.

Сегодняшняя молодежь, пришедшая в журналистику, иная. Она раскрепощенная, над ней не довлеет груз прошлых заблуждений. У этого поколения есть шанс привнести в наше ремесло очищающее начало. Мы, профессионалы старой закваски, походившие в свое время под иными идеологическими флагами, в какой-то степени ущербны в своей бойцовой целеустремленности за новое мироустройство. Да, мы пишем, возможно, чуть быстрее, начитанностью отличаемся, жизненной мудростью. Однако о своем главном мы уже отговорили. И если среди нас, поживших, вдруг появляются седовласые мессии, которые с горящим взором начинают

обличать вчерашний день, отчасти сотворенный, в том числе, и его авторучкой, верить таковым, считаю, нельзя. Мало того, их надо остерегаться вдвойне! Ибо предавший раз, легко предаст повторно. Я о тех журналистах, которые на склоне лет вдруг становятся «политическими буреизвестниками». Не осуждая таковых, тем не менее не приемлю смены приоритетов в нашем ремесле.

Да, мы жили в то время и, отчасти, его создавали. А день сегодняшний пусть отображает тот, кто идет за нами. И набивает свои шишки. Мы же бульон будем варить так, как умеем сами...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Первое, что бросилось в глаза по приходу на Башкирское телевидение тогда, во второй половине 80-х, — не выраженное столь ярко, как в газете, журналистское начало в ремесле. Новые коллеги воспринимались единым, чуть ли не заводским коллективом. После семи лет работы в печатных СМИ, где имя обычно бежит впереди автора и по нему строится, в частности, отношение коллег к тебе, на ТВ доминировал, на мой взгляд, принцип муравейника. Редактор писал тексты, режиссер больше думал о студийных декорациях и видеоряде, подбирая в архивах соответствующие теме кинокадры. Трудились пчелками женщины за печатными машинками, разбирая каракули журналистов, монтажеры сводили звук и картинку на проявленной пленке. И лишь операторы считали себя особой кастой, чуть ли не первой скрипкой общего творческого процесса. Впрочем, так оно и было. Старшее поколение, конечно же, помнит, что основными экранными продуктами в те годы были

трансляции всевозможных концертов, спектаклей, да скучнейший информационный подбор официоза, разбавленный ежевечерними производственными рапортами, вестями с полей. Иногда репортерам и выезжать-то на заводы или сельские фермы особой необходимости не было. В архиве республиканского Гостелерадио хранилось предостаточно киносюжетов с ползущими по полю тракторами, комбайнами, тучными стадами коров. Редактор интервьюировал, скажем, по телефону председателя колхоза, добавлял, при необходимости, пассаж о руководящей роли КПСС, режиссер подкладывал под текст безликие кадры. Сами новости в прямом эфире зачитывали любимые в народе дикторы — Расима Каримова, Зухра Бахтизина, Валерий Ермоленко...

Были, конечно, и чисто журналистские работы. Телефильмы, передачи, поднимающие конкретные проблемы, интервью, зарисовки. Но львиная доля приходилась все же на студийный формат, когда собеседники с ведущим обсуждали темы дня в достаточно унылом, в сегодняшнем понимании, темпе. Причем все беседы шли непременно в записи, по утвержденным заранее текстам. В прямом эфире работали лишь редкие для того времени профессионалы, способные среагировать правильно, скажем, на технический сбой. Как, к примеру, покойный Мирослав Сорокин, над головой которого однажды от перегрева взорвался в буквальном смысле один из осветительных приборов. Ну, и, конечно, к ведению прямых эфиров допускали политически благонадежных журналистов. Оппозиции же, которая могла брякнуть в прямом эфире что-нибудь не то, тогда в республике, понятное дело, не было.

Кинооператоры себя очень уважали: как-никак — главные кормильцы. Без нужной картинки от них телевидение ничем бы не отличалось от газетной публикации. Правда, к тому времени новые веяния начали доходить и до местных творцов «голубого экрана». В Москве, на Центральном телевидении, вовсю будоражили умы современников молодые и самоуверенные «взглядовцы», тешил слух интеллигентный стиль Владимира Молчанова, ленинградский канал сотрясали «Музыкальные ринги» супругов Максимовых и «600 секунд» неугомонного репортера Невзорова. Не могли, конечно, оставаться в стороне от новых телевизионных веяний и на периферии. Ко времени моего возвращения в Уфу, на БашТВ задавали тон программа молодежной редакции «Контакт» Булата Уразбаева и Светы Мушкиной, а также «Актуальная камера» — аналог модного тогда в стране «Прожектора перестройки». Словом, местные телевизионщики довольно успешно осваивали новый тренд — эпоху доминирования электронных СМИ над печатными.

Так вот, об операторах. Пробуждение на телевизионном поле журналистского начала они осознали не сразу, продолжая уважать собственную значимость. Будущий сюжет профи заранее видели по-своему, через объектив «киноров» — почти пудовых по весу камер. От их постоянного ношения на бицепсе у иных образовывалась специфическая мускулатура. Лешка Мешков, ныне старожил среди работающих на БСТ телеоператоров, как-то продемонстрировал мне желвак на правой руке. Смотрится, между прочим, впечатляюще!

Помню, я перед одним из первых в своей телевизионной практике выездов начал в

кругу кинооператоров обговаривать с ушедшим от нас Фанисом Валеевым план будущих съемок. На что тот стал меня прилюдно поучать: мол, твое дело — держать микрофон. Сами знаем, как снимать! А другой, высокий до сутуловатости Ринат Амирханов, съязвил: парень, мы тут, как говорится, по тридцать лет в искусстве, а ты кто и звать тебя как? Каюсь, не сдержался: «Вы, спецы хреновы! Если мне нужно будет — и на карачки встанете, чтобы через травинку-былинку в расфокусе утреннюю зорьку снять!». Операторы удивленно примолкли. Позже, когда они приняли меня в свой круг, Володька Тупиков со смехом признался: «Ну, ты нас тогда уел!».

А прозвище «тридцать лет в искусстве», между тем, прижилось. Иногда им наиболее зазвездившихся телевизионщиков коллеги возвращали в реальность...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Пометки на полях. Странное дело: ни одна другая профессия не вызывает в последнее время такого количества спорных суждений о себе, как наше ремесло. К примеру, уважаемый мною Владимир Познер уверяет, что в сегодняшней России нет журналистики и появится, возможно, она не скоро. По мнению мэтра, в стране для того должны измениться и национальный менталитет, и в целом взгляды общества на происходящее. А подобное, считает Познер, невозможно при жизни лишь одного или двух поколений. Пессимизм в отношении нашей профессии проявил недавно на встрече со студентами Дальневосточного университета писатель, актер и режиссер Евгений Гришковец. Мало того, он посоветовал будущим мастерам пера и слова уже сегодня обратить внимание

на другие, более востребованные ремесла. И подумалось: если уж такие страсти кипят в спорах о журналистике, может, действительно она чего-то стоит? Ведь не рвут на груди рубаху за юристов, агрономов или, скажем, дизайнеров одежды...

Считаю, что мне повезло в жизни со счастливым билетом, по меньшей мере, трижды. Первый раз в далеком 76-м, когда неожиданно для себя определился с профессией на все последующие годы. Тогда сработала философия отцов-преподавателей Уральского университета: журналистами не рождаются, их делают, как бы это цинично ни прозвучало, из подходящего полуфабриката. А таковыми на тот момент были мы — ребята, отслужившие срочную службу в армии, имевшие до призыва фабрично-заводскую закалку. И девчата, познавшие после десятилетки на себе серые будни районных газет. Словом, добротный человеческий материал, сделавший выбор в пользу ремесла не только из романтических побуждений. А остальных соискателей, пытавшихся тогда, по осени, после неудачного абитуриентского лета, поступить в вуз на халяву через широкие ворота рабфака, попросту отшили. Руководство факультета журналистики, кстати, с нашим набором не прогадало — выпуск получился одним из лучших. И по духу, и по профессиональной выучке. Практически все мои однокурсники сказали впоследствии свое слово в профессии. Некоторые из них достаточно быстро возглавили отраслевые отделы крупнейших газет Урала и Сибири — зоны влияния УрГУ, а двое даже входили в редколлегию еще той, постперестроечной «Комсомолки». Иных

судьба в бурные 90-е занесла в местный политический истеблишмент...

Спустя пару десятилетий, став в ремесле человеком в какой-то мере искушенным, согласился читать спецкурс по основам практической журналистики в одном из уфимских вузов. Благо, был относительно свободен — созданная мною «Транспортная газета» регулярно выходила в свет, хотя в республиканских СМИ рахимовских времен и продолжал оставаться персоной «нон грата». Так что времени на преподавательскую работу в должности доцента было достаточно.

Приступал, признаюсь, к лекциям с определенной долей скепсиса: прививать интерес к профессии вчерашним школьникам, студентам далекого от журналистики вуза считал изначально авантюрой. Тем более, что молодое поколение, как выяснилось при первой встрече, практически не читало газет, не интересовалось политикой, из телепрограмм смотрело не новостные выпуски, а тот же «Дом-2». Пришлось брать за азы: лекции начинались с пересказа студентами прочитанной накануне свежей прессы, анализа событий, способов их подачи в СМИ. А далее пошло легче — разнообразие журналистских жанров ребята учились открывать для себя в игровой форме. Стали выпускать учебную «Студенческую правду», выявились те, у кого прорезался вкус к слову, к робким попыткам анализа увиденного и услышанного. Позже, вернувшись на телевидение, читал уже факультативно подобный спецкурс в БГУ. Слушателей набрал из числа желающих: были среди них и будущие юристы, биологи, историки. Филологам с отделения журналистики, говорят, не рекомендовали посещать мои занятия на родном факультете из ревности. Но, тем не менее, были ребята и оттуда.

Сегодня могу констатировать: часть слушателей как первого вуза, так и второго пристрастилась к журналистике. Некоторые выпускники, окончив учебные заведения, работают в пиар-службах всевозможных ведомств, кто-то пришел в газету, на БСТ...

После подобного педагогического опыта понял одну вещь: ренессанс умирающей отечественной журналистики все же возможен. Правда, приток в нее свежих сил, сколь ни прискорбно это признавать, не станет, полагаю, столь массовым, как в наше время — время романтиков, детей страны с выверенной марксистской идеологией. Уверен: появятся завтра в нашей профессии хорошие технари, умеющие выстраивать материал по требуемым лекалам — вначале информационный повод, завязка, далее суть и финальный вывод. Но не будет, боюсь, в большинстве случаев в данном ремесле души. А также личностного отношения, присущего той же публицистике. В нас-то умение сопереживать увиденному и услышанному вложили прочитанные в юности книги, совсем не модные нынче у молодежи, да пафос советской идеологии. Возможно, авторское видение происходящего у грядущей смены и проявится со временем, когда молодые ремесленники обретут вдруг, скажем, внутреннее состояние циников или, наоборот, лириков. Но это, как говорится, процесс сугубо индивидуальный. Пока же в СМИ приходят, скорее, из любопытства. Настоящих журналистов из большинства новичков, боюсь, не получится. Потому и профессионалы нынче в нашей среде товар, увы, штучный.

В древнем Израиле на суде свидетелю напоминали постулат из талмуда: сохранивший одну душу, сберегает мир. Иногда себя

успокаиваю — был причастен к приходу в профессию не одного молодого журналиста. А значит, помог тем самым, отчасти, нашему ремеслу. Но вот как дальше у моих питомцев сложится творческая жизнь, зависит уже от них самих. Посмотрим...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В моем далеком детстве, помнится, телевидение не баловало нас многообразием жанров. Потому каждая новая развлекательная передача или юмористическая премьера становились хитом надолго. Так, к примеру, до сих пор сохранился в памяти скетч с Аркадием Райкиным из фильма «Волшебная сила искусства». Это когда бывший ученик, ставший артистом, проучил хамоватых соседей любимой учительницы по коммуналке. Название фильма стало даже в те годы мерилom влияния жанра на общество.

К чему это я? Да в продолжение все того же разговора о журналистике. Отчасти, я согласен с мнением, высказанным мне недавно: мол, ремесло ваше уже умерло. Кто бы спорил: журналистика как творчество и, наоборот, как инструмент пропаганды — по сути, антагонисты. Вся беда в том, что СМИ советского периода были стопроцентно идеологическим рупором. И это не скрывалось, как вещь очевидная. Тот же Маяковский со своим агитпропом — детищем информационного агентства «РОСТА», и публицист Михаил Кольцов, и детский писатель Аркадий Голиков, ушедший на войну простым корреспондентом — все они считали себя бойцами идеологического фронта. Михаил Шолохов, на одном из съездов Союза писателей, в страстном ответе на обвинение внешних врагов о том, что совет-

ские литераторы творят, мол, по указке сверху, так и сказал: «...мы пишем по указке наших сердец, а наши сердца принадлежат партии!».

Да, то была особая эпоха. Однако поэмы Маяковского, фельетоны Кольцова, великий «Тихий Дон» не потеряли из-за принадлежности к своему политизированному времени литературной значимости и ныне. Как неоспорим и тот факт, что всевластие партийной идеологии не помешало появлению в СМИ тех лет добротной публицистики. Вот же о чем речь. Потому-то и не стоит, наверное, все сваливать в одну кучу!

И в газетах 80-х, когда я начинал свою журналистскую биографию, преобладала так называемая «политическая трескотня». Но были и очерки, портреты современников, написанные не «шершавым языком плаката», едкие реплики про тогдашних чиновников, проблемные репортажи и корреспонденции. Все это отношу к истинной журналистике. Как и публикации «Огонька», «Московских новостей» перестроечных времен...

Именно эпоху гласности считаю второй своей жизненной удачей: тогда у меня, сравнительно молодого сотрудника газеты «Труд» — одной из самых массовых газет СССР, появился интерес к профессии. Мы, растерявшие было к тому времени юношеские иллюзии в отношении ремесла, потихоньку превращались в циников, как и наши старшие коллеги. Но информационные шлюзы, открытые Горбачевым, дали новый импульс. Мое поколение начало писать в газетах, снимать телерепортажи, что называется, с широко распахнутыми глазами. Тот период в отечественной журналистике, вплоть до середины 90-х, внес свежую струю в профессию. Но он, как ни парадоксально,

и погубил ее. Сползание СМИ в обличительный тон, каждодневный поиск негатива размывали нравственные ориентиры, на которых, по сути, держался моральный климат в обществе. Поверьте, это не брюзжание старца, не ностальгия по ушедшим временам. Скорее, попытка понять для себя: когда же потеряли мы добротную журналистику?..

Всмотритесь в сегодняшнюю информационную составляющую телевизионных новостей. Будь то на Первом канале, НТВ или же на нашем БСТ. В приоритете всевозможные ЧП, криминал, судебные разборки с обманутыми дольщиками. Словом, ходовая калька — «скандалы, интриги, расследования». А где простая жизнь людей, их малые радости и успехи?

Как-то нас, руководителей корпунктов Российского телевидения, собрали в первой половине 90-х в Москве. Время было информационно-революционное: накачивали мышцы, к примеру, наши «Вести». В коридорах пригородного санатория, где проходило совещание, мелькали узнаваемые лица — Сорокина, Флярковский, Гурнов, Доренко, быстроногий кучерявый юноша в свитерочке по фамилии Сванидзе... В президиуме сидели большие люди: наш гендиректор Олег Попцов, тогдашний министр информации Михаил Полторанин, уважаемый всеми патриарх, телевизионный гуру и основатель «Взгляда» Анатолий Лысенко, советник Ельцина Георгий Сатаров. Я, пошептавшись с сидящими рядом коллегами из регионов, встал и прилюдно высказал отцам-командирам общую претензию: почему новостные координаторы заставляют нас искать на местах лишь негатив — что и где взорвалось, кого убили, по какому поводу бунтует местный люд? И добавил при

этом: а ведь народ еще чему-то радуется, что-то строит, с кого-то берет пример... Однако Лысенко тогда пояснил нам, неразумным: «Ребята, время открытия новых дюкеров через реки прошло, телезрителям нынче нужно иное...» Ни больше ни меньше. Не тогда ли мы отчасти начали убивать позитивную журналистику, которую теперь благополучно хороним? Между тем, тот же Лысенко, теперь уже в качестве гендиректора сегодняшнего канала ОТР, пропагандирует через свое СМИ общечеловеческие ценности...

Конечно, были на местных каналах в те годы и свои разрушители «наоборот». Скажем, в нашей республике. Башкирские телевизионщики добрую часть эфира посвящали помпезным репортажам о выездах Рахимова на открытие очередного объекта — больницы, школы, нитки газопровода. А новостные дикторы горделиво напирали при этом на сравнительные цифры с экономическими показателями ближайших соседей: мол, у нас и молоко гуще, и яйценоскость выше. Словом, был полнейший дурдом: федеральные каналы перебарщивали с чернухой, а журналисты на местах заливались соловьем по поводу сомнительных успехов.

Немаловажная, кстати, деталь: я говорю не только о телевизионной новостной журналистике, а о политике электронных СМИ тех лет в целом. Если уж ударялись в Москве в нигилизм по отношению ко вчерашнему дню, то такой подход присутствовал во всей программной сетке вещания. В иной же провинции, наоборот, во всем царили благостные настроения. Так, у нас облик Муртазы Губайдулловича расцвечивался солнечным ореолом даже в детских передачах. Но болезни большого телевидения добрались

теперь и до периферии. Нынче уже мы с первых новостных кадров красим экран в черные цвета — в тренде громкие ДТП, ужастики, типа бродячих собак, загрызших на окраине Уфы ребенка...

Федеральные коллеги, между тем, вконец замордовали нас сюжетами из соседней Украины. Я убежденный державник, но даже у меня вызывает отторжение информационный прессинг, проводимый на телеканале «Россия» Киселевым и Соловьевым, усердно возвращающий в обывателе чувство патологической ненависти к некогда братской стране. А как живет, к примеру, Саратов, что нового в Новосибирске, чем дышит российская глубинка? Вместо позитива, которого немало в большой стране, федеральные СМИ, с началом введения экономических санкций, устроили, помнится, настоящий вселенский плач из-за отсутствия на прилавках злосчастного пармезана. Что, без него и других деликатесов жизнь остановилась? Вот оттого-то, полагаю, и живет в некоторых представителях нашего общества скепсис — журналистики, как таковой, уже нет. Умерла напрочь и не воскреснет более. Остался, мол, лишь политический и идеологический агитпроп.

Не хочу принимать такую точку зрения! Был и остаюсь оптимистом: жду появления в нашем творческом цехе новых Аграновских и Рубиновых, Дерфелей и Касымовых. И верю при этом, что когда-нибудь мы прочтем, оглядимся окрест и поймем: мир-то, оказывается, разноцветный!..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Уверен: многие телевизионщики даже не задумываются порой о том, насколько не просто иным нашим собеседникам нахо-

даться под прицелом объективов камер и микрофонов? А надо бы! Хотя бы для того, чтобы правильно выстроить беседу, получить как результат думающего, а не впавшего в ступор человека. Сам я начал обращать внимание на такие тонкости не сразу и не вдруг. Мне, бывшему газетчику, в начале телевизионной карьеры были важны, в первую очередь, факты и подробности при подготовке передач — профессиональным премудростям тогда новичков не обучали. Впрочем, подобное, увы, не практикуется и ныне: к примеру, на филфаке БГУ, основной кузнице кадров для местных СМИ — толковые спецы по телевизионной кухне среди преподавателей не появились до сих пор...

Пометки на полях. Есть такой избитый журналистский штамп — «секреты профессии». Любит порой наш брат открывать, что называется, Америку на пустом месте, выкапывая в ремесле своего персонажа производственные хитрости, которых не углядели до него другие. Знаю точно: грешил этим сам в газетной молодости. Тем не менее попытка понять чужое дело изнутри — неплохой способ составить о профессии более полное представление.

Случилось это в начале 90-х, когда республику посетил Борис Ельцин. Помните же, конечно, его вояжи по регионам с раздачей прав на суверенитеты. Я был единственным телевизионным журналистом, допущенным к так называемым «паркетным» съемкам. Мало того, даже начальник личной охраны Председателя Верховного Совета РФ сразу же смирился с тем, что между ним и Ельциным постоянно терся чернявый паренек с радиомикрофоном на тонком удилище.

Когда эскорт прибыл в Стерлитамак, меня, слоняющегося по центральной площади, подловили коллеги с городского телеканала. К тому времени в республике я был, что называется, медийным лицом — моя программа «Час для вас» была рейтинги среди прочей телевизионной продукции БашТВ. Так вот: вопросы стерлитамакских журналистов в принципе были какие-то житейские, простенькие. К своему стыду, ответить на них непринужденно не смог — начал лепить какую-то несуслазицу. Тогда и понял: брать интервью и давать его — вещи разного порядка...

Вообще-то, профессиональных секретов у нас, как и в любом другом деле, немало. Взять, к примеру, хитрости правильного освещения лица героя при съемке. При желании можно показать человека как позитивно, так и создать у телезрителей отрицательное восприятие его образа. Пусть даже он и душка по жизни, но, расставив софиты в студии нужным образом, нетрудно показать собеседника в эфире эдаким злодеем. Или, скажем, есть чисто психологические приемы, помогающие раскрепостить героя перед командой «Мотор!».

До появления в арсенале телевизионщиков профессиональных видеокамер, нам приходилось снимать все на киноплёнку. Норма отпуска главного исходного материала была предельно жесткой: на рядовой сюжет его выдавали из расчета «один к двум», особо важного — «один к трем». Иными словами, на минуту эфирного продукта дозволялось тратить двухминутный рулон пленки, а если съемки относились к категории правительственного официоза или предназначались для последующего показа по Центральному телевидению —

добавлялись еще метры. Кстати, такая нормированная арифметика не помешала бы нынешним молодым телевизионщикам для повышения профессионального мастерства. Мы, познавшие школу киношного периода ТВ, перед включением камеры знали наизусть не только собственные вопросы, но и проговаривали с собеседниками, по возможности, даже ответы. Но не всегда при этом учитывали некоторые психологические нюансы...

Скажем, приезжаем в какую-нибудь дальнюю деревушку. Нам, живущим в постоянном съемочном режиме, нужно быстро и качественно сделать свое дело. А что значит для председателя колхоза «сняться в кино» — подумать невдомек. Он, бедолага, поди за неделю до этого наглаживал выходной пиджак!

И вот мы располагаемся у него в кабинете, начинаем будничную для себя работу. Осветитель (при киносъемке человек, кстати, не последний) протягивает по всей комнате к единственной розетке толстые провода, расставляет треноги, вешает на них софиты. Оператор устраивает на штатив тяжеленный «кинор», журналист соединяет с камерой портативный, по тем временам катушечный, магнитофон «Репортер». А жертва — герой сюжета, позабытый нами до времени, с неописуемым ужасом на лице ждет начала съемки. Наконец все готово. Начинается обязательный для нас технологический ритуал. Оператор запускает свой «кинор» и оповещает журналиста: «Камера!». Тот включает магнитофон и дублирует голосом: «Есть камера!». Оператор произносит следующее магическое слово: «Хлопушка!». Журналист повторяет: «Есть хлопушка!». И неожиданно для интервьюируемого громко бьет в воздухе ладонью о ладонь. Причем руки обязательно

должны попадать в кадр — между камерой и носом героя. Вся эта последовательность важна будет потом, на монтажном столе, для совмещения изображения и звука. Далее следует обговоренный с собеседником первый вопрос. К примеру: «Скажите, Мухамадур Махамадунович (или же Пафнутий Порфирьевич), каковы надои в вашем славном хозяйстве?». И тут частенько мы сталкивались с тем, что у человека, сидящего напротив, живы лишь глаза. Остальное все в нем умерло! Главное, отнялся язык, отказала память. А драгоценная пленка, зараза, крутится, между тем, без остановки! При этом ты буквально спинным мозгом чувствуешь убегающие впустую драгоценные метры! Командуешь оператору отчаянно «Стоп!», начинаешь приводить собеседника в чувство. И все повторяется сначала. Какие уж тут нормы на кинопленку! Но, странное дело, укладывались ведь в них!

Потому-то и считаю, что нам, телевизионщикам, не грех иногда влезать в шкуру своих героев. Хотя бы для того, чтобы понять: смело смотреть в объектив, не теряя при этом самообладания, по силам не каждому. Может, тогда и вопросы будем задавать по-другому? Осознавая, что не только снимать, но и сниматься — дело весьма и весьма непростое...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Древние греки, сами того не ведая, оставили после себя высказывания, определяющие границы разумного и непозволительного. В нужные моменты мы ссылаемся на них, как на непреложные истины. Что, казалось бы, из того, что на девичник, организованный Помпеей, женой Цезаря, тайно

проник воздыхатель одной из присутствовавших на вечеринке дам? Так нет: верховный понтифик, по пересказу историка тех лет Плутарха, счел инцидент поводом для развода с благоверной, потому как его жена «должна быть выше подозрений». Или взять другую крылатую фразу латинян, которую на заседании Валдайского клуба привел в своей речи Путин: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку». Естественно, речь в данном случае шла не о похищении Европы Зевсом, то бишь Юпитером в облике быка, а о политике двойных стандартов в сфере международных отношений. Тем не менее цитата сработала весьма доходчиво...

Понятно, что киноактер Михаил Пореченков — не жена Цезаря и, тем более, не Зевс. Скорее, бык, натянувший на свою бедовую головушку подвернувшуюся под руку каску с надписью «Пресса». Факт его показушной стрельбы из крупнокалиберного пулемета, зафиксированный телекамерами во время поездки в воюющий Донбасс, стал катализатором бурного спора в журналистской среде. Большинство моих коллег посчитало позерство неплохого, в принципе, актера опасным прецедентом для нашей профессии: отныне слово «Пресса», по общему мнению, не может быть своеобразным оберегом для репортеров, работающих в горячих точках. Согласен с этим и я. Но вот что смутило в первой волне мнений в «фейсбуке» — двое из моих коллег, находящихся в командировке на Украине, почему-то положительно отнеслись к поступку Пореченкова — дескать, мужик!

В годы чеченской кампании довелось войти в пул фронтовых корреспондентов «Вестей». Нас было, помнится, не более десятка журналистов. Снимали все: и проти-

востояние в окопах, и будни простых чеченцев, и первый массовый субботник в Грозном, и освобождение из плена наших солдатиков... Позже для себя подсчитал: всего за первую и вторую кампании в эфире вышло более пятидесяти моих чеченских репортажей, по одному, а то и два сюжета в день. Работали на износ — у войны, как известно, выходных не бывает...

Так вот, по негласной договоренности мы, репортеры «Вестей», никогда не ездили «на броне». Иными словами, не посещали зону боевых действий на БТРах или танках. Войну вели солдаты, мы же были лишь ее хроникерами. И потому по приезду в очередную командировку съемочная группа (репортер, оператор и видеоинженер) нанимала частника на гражданском автомобиле, с которым и колесила по воюющей Чечне. Бывало, что в грозненском аэропорту «Северный» журналистов уже поджидал знакомый им водитель. Такая форма нейтралитета в условиях войны нас спасала не раз. По крайней мере, мою группу трижды.

Помнится, заехали однажды на обед в пригород Грозного. Случилось так, что по соседству, буквально за забором, боевики во главе с известным в те годы Вахой Арсановым отмечали тезет — поминки по Джохару Дудаеву, убитому сорок дней назад. Такое тогда было не редкость: в центре города стоят федеральные войска, а в получасе езды от них кучкуются увешанные оружием сепаратисты. Уважив просьбу местного водителя, нас не тронули. Осмелев, решился взять у полевого командира интервью. Представляете, он говорит мне в микрофон: мы вас, мол, убивали, и будем дальше убивать. А я, соглашаясь с его «непримиримостью», продолжаю задавать вопросы.

В Москве, получив сюжет, наши информационщики аж побелели от страха — куда вас, бестолковых, занесло!

Чуть позже в горном чеченском ауле вновь попали на ритуальные похороны. Сельский сход прощался с семьей, погибшей во время ночного авиационного налета федеральных войск. На центральном майдане стояли люди. Двое мужчин резали быка. Мы еще с пригорка обратили на них внимание. Обычно, по прибытии в незнакомое место, я на правах руководителя группы находил кого-нибудь из старейшин, испрашивал согласие на проведение съемок. Все же шла война, а мы представляли российские СМИ — страну, которая пришла на их землю с ружьем и огнем... Отказов обычно не было. Но в этот раз меня опередил Слава Куликов, наш оператор. Углядев натуралистичные кадры разделки животного, он буквально на ходу выскочил из «жигуленка» и с видеокамерой наперевес припустился к месту события. Как профи он поступал правильно. Кадры, что и говорить, были впечатляющие — молчаливая толпа стариков и женщин в черных одеяниях, бык, из горла которого фонтаном хлещет кровь... Но чеченцами появление нежданного гостя, уверен, было воспринято по-другому — ритуал осмелился нарушить русоволосый чужак с видеокамерой на плече.

Я с первых секунд почуял неладное: быть беде! Рванув следом, опередил оператора, оказался между Славкой и одним из обвальщиков, который уже направлялся с окровавленным ножом в нашу сторону. Даже и не вспомню теперь, как пытался успокоить разъяренного горца — что-то бормотал извиняющимся голосом. А тот тупо шел уже на меня. В глазах плескалась лишь какая-то радостная ненависть, что нашелся косвен-

ный виновник гибели многодетной семьи. Кстати, впервые тогда ощутил, как дрожат колени. Отступая шажками назад, даже поглядел с любопытством вниз — трясутся они на самом деле или нет? Враки! Не видно ничего внешне, оказывается...

Спас нас водитель. Напуганный донельзя возникшей ситуацией, он, тем не менее, начал что-то кричать от машины на своем, чеченском. Помню лишь отдельные слова — «Вести»... Азамат Саитов... Ваха Арсанов (тот самый, с которым к тому времени я уже был на «ты»)... Человек с ножом что-то прорычал, затем развернулся и пошел обратно. Мы же, не искушая судьбу дальше, запрыгнули в машину — и поспешили из села. Позже водитель пояснил: спасла группу принадлежность к «Вестям». Оказывается, мы, в отличие корреспондентов тогдашнего ОРТ, разъезжавших всю войну вместе с федералами «на броне», воспринимались в Чечне иначе. Как репортеры, не высказывающие в сюжетах своего отношения к братоубийственной войне. А вот ваши комментаторы в московской студии, расставляющие в эфире нужные пропагандистские акценты, это, мол, совсем другое дело...

В третий раз незащищенность танками и БТРами выручила нас в одном из населенных пунктов, где получасом ранее на главном административном здании как знак его победоносного захвата боевики вывесили свой зеленый флаг. Мы же, не знакомые с оперативной ситуацией, заехали в центр села. И тут же оказались в окружении торжествующих боевиков, потрясающих оружием. Однако пронесло... Даже побеседовали с ними на камеру. Их командир на прощание поинтересовался у меня: когда, мол, покажете по телевизору? Не подумав

толком, пообещал, что в вечернем выпуске «Вестей». Он, помню, усмехнулся: гляди, Азамат, если обманешь, знаем, где искать. Пришлось срочно гнать машину в Ханкалу, где располагалась наша станция спутникового перегона. По телефону с дороги попросил московских коллег, чтобы непременно запланировали в эфир именно этот сюжет, а не другой, присланный нами еще днем. Хорошо, что ведущая Света Сорокина оценила ситуацию и до последней минуты ждала отснятый материал. Даже предупредила телезрителей в начале выпуска, пока сюжет готовили к эфиру, что ожидается срочная новость...

Пометки на полях. Понимаю, что перед нынешними российскими репортерами, работающими на Украине, задачи стоят иные, более пропагандистские, скажем, нежели информационные. Однако стоит ли одобрять игру «в войнушку», затеянную киноактером в каске с надписью «Пресса»? Он же своей глупостью поставил под угрозу защищенность фронтовых журналистов! Уж извините меня, братицы, с таким согласиться не могу...

Можно, конечно, и «на броне» выезжать в район боевых действий — тут каждый принимает для себя решения самостоятельно. Но поддерживать вольно или невольно дискредитацию чужаком нашего профессионального оберега... По-моему, это не совсем разумно.

Да, было дело — и нам в Чечне военные предлагали пострелять из боевого оружия. Мы на это решились лишь однажды, причем на войсковом стрельбище, далеко от посторонних глаз и случайных зевак. И из автомата популяли по мишеням, из снайперского

карабина, гранатомета. А через пару часов, когда поехали на съемки, нас вдруг догнал запыхавшийся офицер и посоветовал мне сменить ветровку — на плече была видна опалина от выстрела из «Мухи». Спасибо ему: боевики при встрече могли запросто принять меня за переодетого федерала. Пришлось вернуться, застирать плечо. Благо, помню, солнце жарило несусветно и одежка подсохла быстро — на улице стояло пекло мая 96-го...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

На моей памяти из газет и с телевидения коллеги уходили по-разному. Одни на высокие должности, где зарплата повыше и кабинет метражом побольше. Причем отдельный — с секретаршей, телефоном-«вертушкой». А у подъезда, если особо повезет, и личный водитель подгазовывает в ожидании. Понимаю их — журналистика иногда может стать неплохим трамплином в служебной карьере. Что любопытно, в общении с такими речь о бывшей профессии чаще не заходит. Они, если уходят, вспоминать о своей причастности к нашему ремеслу почему-то не любят. Мало того, дистанция между тобой и новоиспеченным чиновником явно читается в его словах, жестах, взгляде. Да и Бог с ними! — не о них речь.

Я — о других. Тех, кто покидал профессию против собственной воли. Не секрет, что застолье после интервью — вещь в журналистской практике частая. Особенно грешат хлебосольством руководители на селе. К соблазнам добавились и модные ныне фуршеты для СМИ. Кстати, никогда на них не остаюсь после мероприятия — не лезет почему-то в горло бесплатная выпивка с таралеткой, наполненной до краев красной

икрой. Так вот: алкогольное завершение сбора материалов, как в прежние годы, так и нынче, подбивает слабых духом на продолжение банкета. В редакции ли, в ближайшей забегаловке или же за домашним ужином. Потому иные и спиваются. В газетах почему-то чаще, на телевидении — реже. Может, оттого, что на экран не вылезешь наутро в мятой рубашке и с красными от похмелья глазами? Естественно, что в СМИ пьяница надолго не задерживается. Расставались с журналистами работодатели и по причине политических разногласий. Увы, чего уж тут лукавить, встречается подобное и ныне. Правда, реже, чем в прежние времена, но, тем не менее, бывает... Случается, что кто-то уходит от нас буквально с боевого поста. Как, скажем, мэтры башкирского телевидения Мирослав Сорокин и Булат Уразбаев, до последнего своего дня работавшие над передачами. Таким вечная память! Кстати, в чем-то журналистика в этом плане схожа с политикой. Либо уходишь в неизвестность, порой с волчьим билетом, либо в помпезном гробу в окружении коллег, собравшихся на торжественную панихиду. Ни того ни другого себе лично не пожелаю. Как говорится, тьфу-тьфу!

Бывает, что иным хватает мудрости вовремя и по возрасту причалить к тихой семейной гавани. У нас на телевидении таких ветеранов уважают. Собирают пенсионеров по значимым поводам, понимая: причастность к ремеслу через воспоминания о пережитом для них не пустой звук. А вот интересно: случаются ли подобные встречи у отставных чиновников? Скажем, правительственного уровня?

И что бы вспоминали они — люди, которые творили нашу недавнюю историю?

Скажем, Исмагил Габитов, Урал Бакиров, Ильдус Адигамов, Фатих Казакбаев, Фаукат Кидрасов? О них мы сегодня почему-то подзабыли, а надо бы помнить! На слуху лишь Рахимов, с которым связывают политические и управленческие ошибки тех лет. Да, Муртаза Губайдуллович был у руля — с него, как говорится, и спрос. Но почему не берем в расчет тот факт, что чиновники, которых назвал, и создали при одобрении президента башкирскую модель суверенитета, дискредитировавшую впоследствии саму идею экономической независимости российских регионов? Как хроникер тех лет, я помню многих из них, суетливо бегавших по президентским коридорам в ожидании приема к Рахимову. В мешковатых костюмах и мятых сорочках, не знакомых с хорошим парфюмом. И видел уже другими, получившими от Бабая атрибуты власти. Неторопливыми, косноязычно-важными, напыщенными, буквально раздувшимися от собственного величия. Не удержался, сказал как-то в сердцах Габитову: «Неискренние вы люди: перед включением телекамеры одни, в кадре же — совсем другие. По крайней мере, будет, что в журналистских мемуарах потом рассказать о двуличности башкирской номенклатуры!». По злому прищурю глаз собеседника понял: я приобрел в лице тогдашнего главы рахимовской администрации настоящего врага...

Как-то в середине 90-х республику посетил премьер Черномырдин. Во время интервью Виктор Степанович искренне признался мне: башкирская форма суверенитета — идеальная федеративная модель, которую стоит расширять повсеместно. Да, в начале своей политической карьеры Рахимову, взявшему на вооружение идею экономической независимости республики, удалось получить

повсеместную поддержку населения. Ведь задолго до этого народ волновал вопрос: почему мы травимся здесь из-за плохой экологии, а колбаса в магазине почему-то дороже, чем в той же Москве? Будущий суверенитет воспринимался многими лишь как право региона распоряжаться своими доходами, не более. Не раз даже сам Муртаза Губайдуллович делился со мной своим возмущением: что это, мол, мы будем у Москвы разрешения каждый раз спрашивать — строить нам туалет на селе или нет?! Такая логика находила у народа понимание. Вероятно, по этой причине Черномырдин считал: распространение нашего опыта в масштабах России было бы не лишним. Но к тому времени в недрах башкирского руководства «серые кардиналы» вынашивали и уже начинали внедрять собственное видение независимости от Москвы — политический суверенитет. С влиянием на местные суды и милицию, СМИ, госбезопасность, прокуратуру. Потому-то, считаю, обвиняя Рахимова во всех грехах, мы должны поименно называть и людей, которые, уютно расположившись у подножья трона, вершили свое черное дело — дискредитацию идеи экономической независимости республики. Сегодня они благополучно ушли в тень. На политическую пенсию. Едят сладко, спят спокойно, тихо радуются, подсчитывая прибыль от созданных в свое время коммерческих структур. Все у них в ажуре — внуки в престижных вузах, дети на хороших должностях. У иных, как у того же Габитова, сын — и депутат башкирского парламента, и ректор вуза.

Может, настало время обнародовать их имена? Людей, которые отняли у республики и надежды, и заводы, и, в конце концов, честь...

Делать крайним лишь Рахимова — много ума не надо. Известно же, что короля создает, отчасти, свита. А вот она-то, творившая под сенью первого президента свои делишки, оказалась сегодня вне зоны нашего осуждения. Что удивительно, кое-кто и ныне усидел на высоких постах. Насколько это справедливо? Хоть украинский вариант люстрации устраивай, ей-богу! При таком раскладе — как с гуся вода — сможем ли мы сделать для себя нужные выводы из недавнего прошлого?

Пометки на полях. Факт очевидный: принимать волевое решение наперекор собственному желанию — шаг, достойный уважения. Человек ведь, по своей сути, идеалист. В каждом живет надежда на лучший исход. Но зачастую бывает ровно наоборот. Веришь, что живешь праведно, выясняется же, что грешил. Или уверен в собственной востребованности, а позже узнаешь, что тебя иные терпели через силу.

Журналистика и та же политика — сферы в чем-то родственные. Так или иначе, совершенное тобой оценят идущие вослед...

— Доживу до пенсии, меня не будет на работе уже на следующий день, — поделился со мной как-то Паша Панов, долгие годы отвечавший за художественное оформление программ Башкирского телевидения. — Ни часа лишнего не задержусь!

Так и случилось — день в день. Заслуженный ветеран, талантливый художник, бывший рок-музыкант и вообще творческая личность во всех отношениях, нынче, слышал, с удовольствием нянчит внуков.

Уйти вовремя и честно — мудрый во всех отношениях шаг. На такое, считаю, способен

не каждый. Как на телевидении, так и в политике. Наш Пал Саныч ушел на заслуженный отдых с высоко поднятой головой. О таких, как Панов, сказал, видимо, в свое время Паскаль: «Мы бываем счастливы, только чувствуя, что нас уважают!». Что никак, к примеру, не относится к попрытавшимся в тину вчерашним творцам башкирской суверенной вседозволенности. Хотя они, скорее, чувствуют себя комфортно в своем сытом благополучии и без нашего с вами уважения. Такие уж это люди...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— А знаете, сколько здесь квадратный метр стоит? — мой собеседник развернулся ко мне с водительского места. — Вот в этом доме, напротив. Сто пятьдесят тысяч рублей!

Мы поджидали пассажирку возле одного из уфимских банков, коих немало в районе бывшей Ленинской мемориальной зоны. Астрономическая цена жилья не поразила — о запредельной стоимости земли, а значит, и квартир в историческом центре Уфы слышаны многие. Удивило другое: когда, озираясь вокруг, решил неожиданно для себя воссоздать в памяти любимый некогда многими городской уголок отдыха, не сразу смог это сделать. Наконец в теснине элитного жилья и помпезных офисов с трудом нашел взглядом деревянный особнячок, в котором останавливался в начале прошлого века вождь мирового пролетариата. И стало обидно за себя, за уфимцев, память которых ловкие чиновники променяли на немалые, видимо, деньги...

На дворе стоял конец девяностых. Созданная мною годом ранее телекомпания «Столица» переживала непростые времена.

После объявления негласной войны со стороны республиканских властей, появились проблемы и в отношениях с уфимскими чиновниками. Скромные рекламные доходы уходили без остатка на оплату возросших в разы коммунальных платежей, арендной платы за помещения, зарплату сотрудникам. К тому же административный прессинг со стороны столичного градоначальника Фидуса Ямалтдинова подогревался личной досадой на нас, «неуправляемых», по его мнению, журналистов. Тогда ему почему-то нестерпимо захотелось перевести нашу коммерческую телекомпанию в статус муниципальной структуры. Заместитель мэра по городской собственности Айвар Кинжабаев, прославившийся беспринципностью и жуликоватостью, на пару с весьма притклым юристом Мишей Лазаренко попытались уговорами, позже возбуждением судебных исков вынудить согласиться на передачу уфимской администрации контрольной доли в «Столице». Лишь после того, как мне, глаза в глаза, пришлось разочаровать Ямалтдинова, что «у него никогда не будет на столе телефона для указаний тележурналистам», с нами начали бороться без излишней деликатности.

К тому времени у нас скопилось немало весьма интересных сведений о закулисной деятельности городских властей. Здесь были факты передачи нужным людям зданий и помещений, разбазаривания фонда дошкольных учреждений, которые сегодня, между прочим, за большие деньги строятся с нуля, выделения городских земель под коммерческую застройку, манипуляций с дорожными подрядами, теневого захвата рынка пассажирских перевозок. Помните, наверное, такую транспортную фирму —

«Уфа-лайн»? Тогда поговаривали, что в учреждения вошли люди, близкие к верхушке городских властей. Своя история, кстати, и у «Ниагары» — популярного в те годы магазина для богатеньких, что на улице 50 лет СССР...

Не брезговали уфимские чиновники даже такой мелочовкой, как проценты с прокручиваемых в банках бюджетных денег. Знакомый строитель поведал, к примеру, такую историю. В районе вертолетной площадки возле ожогового центра начали возводить очередной дом. Уже на уровне закладки фундамента ушлые ребята из мэрии, по словам информатора, перечислили средства, предназначенные для приобретения на финальной стадии редких тогда пластиковых окон, в один из прибалтийских банков. Вот и прикиньте: сколько строился многоэтажный дом и какой навар получили махинаторы. Понятно, что журналистов-всезнаек мэру проще было назвать в личном докладе Рахимову «неуправляемыми», дабы тот дал вольную на наш «отстрел». Так, по всей видимости, и случилось...

Поводы к недовольству давали порой мы сами. Как-то мои журналисты обратили внимание на отсутствие в уфимских магазинах хлебобулочных изделий по вечерам. Наутро занялись расследованием и выяснили: причиной нехватки главного продукта стали денежные разборки между хлебопеками и торговлей. Подготовили сюжет, пригласили на вечерний прямой эфир заместителя мэра по социальным вопросам Владимира Кашулинского. Кстати, классного мужика, тонкого ценителя пушкинской поэзии. Он пришел, все разъяснил, наутро конфликт был разрешен. Но на нашу беду все это случилось накануне празднования пятилетия со дня

принятия башкирского суверенитета. И наш главный недруг, глава президентской администрации Исмагил Габитов, решил использовать этот факт для удушения телекомпании. Он тут же позвонил Рахимову, находившемуся в тот момент в отъезде, и ошарашил его известием: мол, телевизионщики из «Столицы» дискредитируют его мудрую политику накануне светлого для республики дня. Муртаза Губайдуллович, естественно, был взбешен. Меня пригласил к себе для объяснений премьер-министр Байдавлетов.

Я пошел с видеокопией вечернего эфира. Практику записи прямого эфира мы ввели не случайно — знали, что от нас ждут лишь повода для расправы. Рафаэль Ибрагимович просмотрел всю передачу и признал: мы правильно и вовремя вмешались в ситуацию. В этот момент заглянул в кабинет премьера, якобы случайно, Габитов.

— Исмагил Ахмадуллович, я тут ребят хвалю, — поделился с ним результатом просмотра вечерней передачи Байдавлетов. — Молодцы, а то бы и сегодня без хлеба город сидел.

В глазах Габитова прочиталась целая гамма чувств. В частности, плохо скрываемая досада и ненависть. А уфимский градоначальник Ямалтдинов позже при встрече процедил мне: «Ну что, сняли с должности директора «Башкирхлеба» — легче стало?».

...В одном из телефонных звонков к нам из трубки прорывались слезы — приезжайте, рушат Ленинскую зону! Мол, обращались во все газеты, на Башкирское телевидение, никто и слушать не хочет! С оператором отправился сам. Что увидел, потрясло: уникальный этногородок, созданный вручную лучшими плотниками Башкирии в районе Дома-музея Ленина, методично и безжалостно рушили бульдозеры. По признанию

бригадира, ему личное указание дал мэр. Мы успели заснять на пленку лишь слезы пожилых женщин, позвонивших к нам в телекомпанию, да пыль от рушившихся домов. Так башкирская столица потеряла в центре города рукотворный уголок исторической Уфы. Потеряла частицу своей памяти...

После зачистки дорогостоящих гектаров, землю отдали коммерсантам для возведения офисов и элитного жилья. Оставили, как издевку, лишь домик, в котором останавливался Ленин. Может, рука чиновника дрогнула в последний момент? Или бульдозерист не решился на святотатство? А показать сюжет мы тогда уже не могли: незадолго до этого Ямалтдинов и близкий ему в те времена бизнесмен Рамиль Бигнов выкупили у нашего вещателя предприятие вместе с лицензией на эфир. Позже ушли из отстроенной нами телестудии и мы, когда часть оборудования город забрал для создания подконтрольной муниципальной структуры «Вся Уфа»...

Пометки на полях. Сегодня немодно цитировать Ленина. А уж Сталина — тем более. Но рискну. Точнее, приведу выдержку из приказа народного комиссара обороны, зачитанного перед войсками в день очередной годовщины Красной Армии 23 февраля 1942 года. «Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский остается».

Вот и у нас так нынче бывает. Кто-то, наследивший в недавнем прошлом, тихо отходит в тень, а мы, бессловесные при тогдашней несправедливости, мучаемся ныне угрызениями совести...

Есть такое понятие — «срок давности». Если говорить применительно к уголовно-

наказуемым деяниям — тут все понятно. А как быть с такими случаями, когда чиновничий беспредел объясняется якобы управленческими упущениями? Или, хуже того, чьим-то корыстным интересом? Кто и как должен отвечать за самоуправство? И чем снос уникального этногородка, выстроенного с любовью, причем бесплатно, лучше того беспредела по отношению к памятникам, который видим сегодня на Украине?

Зададимся простым вопросом: чего лишилась Уфа с исчезновением на ее карте исторической мемориальной зоны? И что приобрела? Не знаю как вы, но лично я считаю: все мы потеряли в тот день часть своего лица, имени, права именоваться благодарными потомками. А получили взамен не так уж и много — жилье для нуворишей в центре Уфы по заоблачной цене за квадратный метр. И, по всей видимости, немалые откаты чиновничьему люду. Такой вот, однако, вышел в те годы чейнч...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Необъясним все же этот феномен — мужская тяга к оружию. Мы, в большинстве своем дети последних поколений, не знавшие ужасов больших войн, испытываем порой острый позыв ощутить в руке тяжесть пистолета и силу, затаившуюся в его стволе. Кого-то манит очарование запретного плода, иной видит в карманном оружии гарантию собственной безопасности...

В стране уже не первый год ведутся споры о легализации нарезного короткоствольного оружия — права на хранение и ношение пистолетов, револьверов. Сторонники инициативы полагают: это улучшит общую ситуацию с личной безопасностью граждан. Ее противники считают наоборот — воору-

женный человек опасен для общества. Словом, вопрос «Право на оружие — благо или опасность?», согласитесь, актуален.

В Государственной Думе вновь заговорили о необходимости усилить борьбу с преступностью. После резонансных приговоров тем, кто, защищая себя и своих близких, убил или ранил нападавших, в парламенте в очередной раз вернулись к вопросу о расширении прав россиян на применение оружия в случаях, когда кто-то угрожает их жизни, особенно в собственном жилище. Законопроект об изменении пределов личной самообороны на этот раз разрабатывает сын лидера российских либералов, вице-спикер Госдумы Игорь Лебедев. По его словам, он намерен добиться его принятия.

В эту толчею мнений хотел бы внести и свое суждение. Есть, как известно, федеральный закон «Об оружии» от 1996 года. В соответствии с одной из его статей, а именно двадцать четвертой, россияне могут применять имеющееся у них на законных основаниях гладкоствольное оружие для защиты жизни, здоровья и собственности или при другой крайней необходимости. Разве этого недостаточно? Предвижу возражения. К примеру, такое. Охотничье ружье, как известно, должно храниться в отдельном месте, в домашнем сейфе, без боеприпасов. Поэтому в экстренном случае, когда в дверь жилища ломится вооруженный злодей, нет возможности быстро «обнажить ствол». Пока добежишь до сейфа, трясущимися от экстрима руками его откроешь, зарядишь ружье — уйдет драгоценное время. А преступник уже дышит, предположим, за спиной. Тут ваша правда — ответа не знаю.

Тем не менее вспомним общеизвестные истины. Скажем, такую: оружие порождает

насилие. Или латинское изречение: «Хочешь мира — готовься к войне». Кстати, последняя часть фразы — «пара беллум» — дала в свое время название популярной марке пистолета. Есть и такое мнение в народе: если ты по жизни — овца, то с пистолетом в руке не превратишься в волка. Вооруженная овца — это, считают некоторые, уже озверевший баран. Кто захочет, чтобы по нашим улицам бродил всяк с револьвером в кармане или в дамской сумочке? Адекватен ли такой человек, как поведет он себя по отношению к окружающим?

Еще одна сторона проблемы. Оружие, как приложение к его носителю, зачастую провоцирует на применение. Общеизвестно, что наличие собственного пистолета делает нас менее осторожными. Там, где безоружный, неуверенный в своих силах обыватель поостережется вступать в конфликт, вооруженный полезет на рожон. И, возможно, отправит кого-нибудь в морг, а сам угодит в тюрьму...

Предположим, свободная продажа нарезного короткоствольного оружия снизит уровень преступности. Но одновременно вырастет число несчастных случаев из-за неосторожного обращения с ним в бытовых конфликтах. Как правильно заметил по этому поводу президент Татарстана Рустам Минниханов, в нашей стране с повышенным уровнем агрессии в быту лучше держать порох подальше от спичек. Ведь не секрет: немало домашних трагедий происходит из-за детского баловства с оставленным без присмотра оружием. Вы об этих аспектах проблемы задумывались?

Наличие пистолета требует, как известно, серьезной психологической готовности, умения применять его в стрессовой ситуации. Для этого необходимы определенные при-

родные способности, боевой опыт, либо серьезный тренинг. Я, между тем, сомневаюсь, что подавляющее число владельцев нарезного оружия, если такой закон будет принят, захочет пройти соответствующую подготовку. Иными словами, личный ствол некоторым людям нужен совсем не для защиты. А, скорее, для бахвальства, эдаких понтов...

Кстати, правозащитное движение «Право на оружие», региональное представительство которого есть и в нашей республике, тесно сотрудничает с Союзом российских оружейников, структурой оборонно-промышленной отрасли страны, представляющей интересы более полусотни предприятий ВПК. По крайней мере, общественники на своем съезде в Москве подписали декларацию о сотрудничестве с оружейниками. В связи с этим возникает вопрос: можно ли считать, что движение «Право на оружие» лоббирует интересы производителей, выпускающих, в том числе, и короткоствольное нарезное оружие? Если так, то получается: не забота о нашей с вами безопасности движет, в первую очередь, правозащитниками, а чисто коммерческий интерес. Как говорится, бизнес, и ничего более... Представителя ЛДПР Игоря Лебедева, как выяснилось, с движением «Право на оружие» тоже связывает некий договор о сотрудничестве.

Предполагаю разные суждения по данной теме, но выскажу, с вашего позволения, свое. Мнение простого обывателя. Так вот: считаю, что чем меньше на руках у населения оружия, тем меньше у общества нужды защищаться от кого-либо. Потому что убивает не пистолет, лежащий в кармане, а тот, у кого он находится в руке...

Хотелось бы завершить разговор тем, с чего и начал: наши думские законодатели

приучили народ к тому, что не каждая их инициатива становится, в конечном итоге, нормой для общества. Подумалось в связи с этим: хорошо, если стремление отдельных российских парламентариев легализовать в стране короткоствольное нарезное оружие так бы и осталось лишь хотением. Но это, повторяю, мое личное мнение. Вы же вправе придерживаться иной точки зрения. В любом случае, окончательное решение — иметь или нет каждому пистолет — не в нашей с вами компетенции. А жаль...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Пометки на полях. Довелось слышать мнение, что понятия «одинокий» и «умный» в России воспринимаются как синонимы. Поначалу с таким утверждением согласился, позже призадумался. Сейчас же вывел для себя некую компромиссную формулу: одиночество — в первую очередь, трагическая карма тех, кто не захотел понять других. Уединение с самим собой вовсе не право избранных, как утверждают психологи. Скорее, наказание свыше. Потому, думается, по-настоящему одинокие люди способны на самобичевание. Однако духовный мазохизм, чаще всего, ими тщательно скрывается от чужих ушей. В диалоге со своим «я» такие люди открыться могут разве что перед Богом, в существование которого, возможно, никогда не верили. И не собираются верить...

Не могу не бросить взгляд, проезжая каждый раз мимо, на громаду строящейся Соборной мечети у истока уфимского проспекта, носящего имя национального героя — Салавата Юлаева. Смешанные чувства обуревают при этом. Тут и восхищение

ее будущими формами с четырьмя минаретами по углам, которые сегодня, даже в обрамлении строительных лесов, поражают высотой любого въезжающего в миллионный мегаполис со стороны аэропорта. Но одновременно, в отличие от большинства своих земляков, ощущаю, как мне кажется, всю горечь главного прораба культового сооружения, оставшуюся в нем от не осуществившихся в жизни мечтаний, вложенную в каждый кирпич. А также тяжесть разочарований от одиночества, которые он испытал в конце дороги, ведущей к собственной мечети...

* * *

— Слушай, покажи у себя на телевидении одного хорошего директора нефтеперерабатывающего завода, — обычно немногословный Фарит Шарипов в перерыве застолья навис надо мной в курилке. — Мужик — во! У тебя же в передаче «Час для вас» всякие бывают...

Мы, вечеркинцы, отмечали, помнится, очередной юбилей газеты в открывшемся буквально накануне ресторане немецкой кухни «Галле». Тогда, в конце 80-х, броское название для новой точки общепита долго не искали: Башкирию и широко известный у нас в республике округ в ГДР связывали прочные связи друзей-побратимов. Сотрудники редакции городской газеты «Вечерняя Уфа», благодаря авторитету и личным знакомствам заведующей отделом торговли Венеры Карамышевой, стали чуть ли не первыми гостями ресторана. Ради нас над иными премьерными блюдами колдовали сами немецкие повара. Меня же на юбилей газеты вечеркинцы пригласили как бывшего

«своего», ставшего к тому времени известным телевизионщиком.

...Отказать в просьбе Шарипову, заведующему отделом промышленности и транспорта «Вечерней Уфы», я не решался. Все же он был моим первым наставником в репортерском ремесле. Учил, кстати, сурово, заставляя переписывать тексты по несколько раз. Ох, как я бесился, выходя из его кабинета! Фарит пробежал глазами по моей писанине, потом брезгливо бурчал: «Не пойдет». И все! А что именно его не устраивало, какими словами нужно было начинать материал или подводить итоги в финале — не объяснял, черт рыжий! Однако много позже, когда подучился азам газетного репортажа, понял уникальность методики обучения «по-шариповски», основанной на простой вещи: журналистами не рождаются, ими становятся. Надо сказать, что сам наставник, вечно пропадавший на заводах, в том числе и на строящихся объектах нефтянки — комплексах высших жирных спиртов и ароматики, не был рафинированным интеллектуалом. Скорее, грубоватым репортером. Репортером, кстати, от Бога!

— Не мой это герой, и не моя тема, — слабо отбивался я от напористости Шарипова. — Пойми: «Час для вас» — программа вечерняя, информационно-развлекательная, и тут на тебе! — директор нефтянки. Да и о чем с ним говорить, о крекинге и глубине переработки нефти, что ли? Кого это интересует, тем более на ночь глядя? Что-то необычное хотя бы на заводе этом происходит?

— Ну, недавно, например, на вырученную от доходов валюту коров в Голландии закупили для подшефного сельского района...

— Вот это ближе к теме, можно как новость подать.

— Только учти, Азамат, он не очень-то разговорчивый...

— Ладно, придумаем что-нибудь. Пусть завтра подъедет с утра в кукольный театр, там артисты из Индии с призами вернулись, хорошо? Отсниму фрагмент спектакля, интервью с главрежем, а потом займусь твоим нефтяником. Говоришь, его фамилия Рахимов? А зовут как? Муртаза Губайдуллович?

Пометки на полях. Поговаривают, что знаковые события в нашей жизни прописаны свыше. Хотим того или нет, но если предначертано пройти по определенному пути, мы, так или иначе, оказываемся в нужной точке. Но частенько бывает, что не всегда вовремя и порой не с теми попутчиками. Иное дело, когда происходит так, как и должно случиться...

На съемки мы тогда припоздали. Пока собралась в полном составе группа из оператора, осветителя, звукорежиссера, определились с машиной, метражом киноплёнки на дополнительный сюжет и дождались, наконец-то, своего «телезвездного» журналиста, время добежало до полудня.

Еще в приемной главрежа кукольного театра обратил внимание на двух мужчин. Выглядели они колоритно: один очень высокий для башкира, другой — ни дать ни взять Санчо Панса. Позже выяснилось, что низенький был парторгом нефтеперерабатывающего завода имени XII партсъезда КПСС Юрием Липицким. На бегу поздоровался, приняв их поначалу за посетителей. Они промолчали. Лишь спустя пару долгих часов, после завершения съемок в театре, Липицкий осмелился мне напомнить: «Мы с завода, о нас Фарит Шарипов вам говорил...»

— Не забывай, я-то все равно останусь во главе Верховного Совета, а вот тебя, если не примем закон о президентстве, уже не будет. Обещаю! — последние фразы невольно подслушанного нами спора еще отдавались в пустынном коридоре, а мы с Кильдиным уже уходили в сторону лифта на последнем этаже башкирского Белого дома.

Об осторожности в те годы думать я не умел. Казалось бы, что такого, если собеседники вдруг увидят нас, сидящих в холле. За себя лично не опасался — все же Рахимов относился ко мне по-особому. А вот председателю Гостелерадио, как невольному свидетелю «мужской разборки» между Муртазой Губайдулловичем и Миргазиевым, уверен, могло не поздоровиться. Потому и сказал Кильдину, с которым заглянули поздним вечером на чай к Рахимову: «Уходим, Салават Амирханович, кажется, мы сегодня здесь лишние...»

Ушли по-тихому, как и пришли. Тогда ни у входа в Белый дом, ни на правительственном этаже охраны толковой не было. Потому и подошли беспрепятственно к открытой двери приемной, где в кабинете председателя Верховного Совета ругались два главных человека республики — единственные, похоже, во всем здании в столь поздний час.

На дворе стояла осень 91-го. Башкирские нардепы в жарких дебатах обсуждали будущий закон о введении в республике должности президента. Основных претендентов к тому времени на высокий пост было двое — Рахимов, уже год возглавлявший Верховный Совет, и Марат Миргазиев, опытный аппаратчик, председатель Совмина. И один должен был уступить другому. Остальные в расчет не брались...

Пометки на полях. Наверняка вы подмечали такую закономерность: как только начинаешь подсчитывать оставшиеся в кошельке деньги, они на глазах уменьшаются в количестве. Так и с летоисчислением — чем старше становимся, тем быстрее бегут года. А в далеком детстве наоборот: беспечно транжирия время, вечерашние события воспринимаешь как далекое прошлое. Разве что летние каникулы пролетали как миг, потому как не особо торопились по осени за парту...

Телевизионный сюжет, отснятый мной по просьбе Фарита Шарипова о директоре одного из уфимских нефтеперерабатывающих заводов Рахимове, в программе «Час для вас» прошел как-то незаметно. Что, впрочем, и неудивительно: новость о покупке за рубежом заводчанами голландских коров для колхоза «Сюнь» Илишевского района потерялась среди разоблачительных репортажей в стиле конца восьмидесятых, разбавленных редкими для того времени западными музыкальными видеоклипами. Но поскольку мой бывший учитель по репортерскому делу попросил — я сделал. Все так бы и кануло в небытие в череде последующих событий, если бы не Салават Кильдин, назначенный накануне нашим начальником в Гостелерадио. Прежнего, писателя и добрейшего человека Диниса Булякова, по какой-то причине сняли. Его уход я переживал особо остро. Все же он подобрал меня буквально на улице — всеми гонимого и никому ненужного...

Кильдин, кстати, начал свою деятельность на Гостелерадио в духе времени — решил знакомиться с коллективом в неформальной обстановке. Заходил в какую-нибудь редакцию и по-свойски представлялся: мол, я ваш новый председатель. Где-то, видимо, это сра-

батывало, пока руководитель не нагрязнул в отдел пропаганды, где я трудился тогда простым корреспондентом. Едва заведя в проеме двери начальство, старший редактор Булат Уразбаев чертиком подскочил с места и побежал ладошкой вперед к Салавату Амирхановичу. Тот из-за его плеча посмотрел на меня:

— А что, не все хотят познакомиться со мной?

— Если нужен, вызывайте к себе в большой кабинет, — сердито буркнул я. — А тут мы работаем — творчество, знаете ли, тишину любит.

Кильдин резко развернулся, быстро вышел из редакции. Уразбаев укоризненно посмотрел на меня: дескать, с головой не дружишь! Позже Салават Амирханович признался: прием, устроенный мной, напрочь убил в нем желание играть в модного демократа. Видимо, потому в считанные дни мы подружились с ним до перехода на «ты»...

К тому времени я успел напрочь рассориться с маститым телевизионщиком Мирославом Сорокиным, с которым на пару мы придумали программу «Добрый вечер, уфимцы!». Весьма, кстати, рейтинговую — в день эфира к телевизорам приникали не только горожане. Основная придумка заключалась в том, что один ведущий сидел с гостями в студии, другой собирал толпу на улице, возле какого-нибудь лобного места. Подгоняли ПТС — передвижную телевизионную станцию — и в прямом эфире обсуждали злободневные темы. Со Славой менялись по очереди: то он в студии, а я с народом, то наоборот. Работали в паре до тех пор, пока Сорокин не начал строить из себя мэтра, рискуя одернуть меня в прямом эфире за непредвиденные изменения в сценарии. Со злости я шарахнул дорогой мик-

рофон об асфальт — и пошел прочь. Ладно, догнала режиссер Лина Мамина: «Да брось ты на него психовать! Слава — он такой! Подумай о телезрителях!». Эфир доработали, но Сорокина я тогда жестко предупредил, что больше с ним проект вести не буду. И тут же с режиссером Мишей Первушиным создал новый — «Час для вас», похожий по стилистике на популярную в те годы программу Владимира Молчанова «До и после полуночи». Даже ведущую подобрали для меня контрастную — белокурую Леночку Каримову, не имевшую до того телевизионного опыта. Передача с первого же выхода произвела фурор — письма от зрителей носили буквально мешками!

...Кильдин, видимо, быстро понял, что Саитов — еще та штучка. Потому и начал меня выделять: то одну острую тему подбросит, то другую. После эфира с сюжетом о незнакомом в народе директоре нефтеперерабатывающего завода, сам прибежал ко мне в редакцию.

— Слушай, в «Часе для вас» ты показал Рахимова. Надо его похвалить лишний раз — сними о нем фильм!

— С чего вдруг? — удивился я.

— Понимаешь, наш Совмин подписал указ о выделении валюты на приобретение профессиональных видеокамер для республиканского телевидения. Хватит нам на кинопленку снимать! Там куча заводов, которые с заграницей торгуют, а помочь нам пообещал лишь один — нефтеперерабатывающий, имени XXII партсъезда КПСС. Ну, тот самый, где директором Рахимов. Он нам уже готов валюту выделить! Сделай, ведь ты уже его знаешь...

Так невольно я стал первым журналистом, открывшим для СМИ Муртазу Губайдулловича. Теперь вот и думаю: а не сложись

обстоятельства подобным образом, стал бы он тем, в кого вырос для всех нас? Предположим, не обратиться ко мне во время случайного перекура в ресторане «Галле» мой учитель Фарит Шарипов или я вовсе не пошел бы на ту вечеринку... Тогда, возможно, никто из журналистской братии тех лет не увидел бы в факте покупки на валюту голландских коров для колхоза «Сюнь» достойного информационного повода. Скорее всего, так бы оно и было. Или же Кильдин в день эфира «Часа для вас» занимался домашними делами и не заметил бы в сюжете с Рахимовым возможной перспективы — переоснащения республиканского телевидения современными видеокамерами? Дальнейшая история Башкирии, возможно, пошла бы по иному сценарию.

Знаю точно: роль журналиста в развитии событий играет не последнюю роль. Рахимов не стал бы в тот год народным депутатом СССР, а после развала страны — председателем Президиума Верховного Совета Башкирии, не будь моего фильма «Цех номер один», где директор нефтеперерабатывающего завода подавался как истый патриот республики. Помогли и другие сюжеты с его участием, которые мы начали лепить буквально как горячие пирожки. Все это показывали не только в местном эфире, но и по Центральному телевидению, главную редакцию программ для которого на Башкирском телевидении к тому времени возглавил я. Телевизор ведь смотрели многие. Имя и образ Рахимова в считанное время журналисты сделали узнаваемым не только в республике.

Пометки на полях. Утверждают, что мир вокруг нас находится в состоянии некоего равновесия. Поэтому случайностей

не бывает. Мы, дескать, попросту не знаем всех законов мироздания, не можем отследить и проанализировать события, которые приводят нас к тому или иному итогу. Потому говорим о случайностях, забывая о причинно-следственных связях. Все происходящее в основе своей имеет собственный повод. Настоящее зависит от нашего прошлого, мыслей, образа жизни. Случайности — прежде всего, закономерности, о причинах которых мы и не догадываемся. Увидеть и понять такую взаимосвязь — это и есть мудрость...

* * *

...Крылатые фразы рождаются не вдруг. И знаковыми те или иные события не становятся по нашему с вами желанию — востребованность определенных символов на историческом витке, как мне кажется, запрограммирована свыше. Мистика это или перст Божий?

Взять, к примеру, ходовое словосочетание — «дорога к храму». Его философский смысл, означающий путь к истине, процесс нравственного очищения перед подведением итогов жизни, стал, полагаю, востребованным в обществе, когда коммунистические мантры потеряли для большинства из нас приоритетную значимость. Предположим, появившись в широком прокате фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние» раньше своего времени или же, скажем, парой лет позже, он не стал бы откровением для большинства. А так, в 1987 году, когда большая страна находилась в состоянии похмельного бодуна после хлынувшей на общество горбачевской гласности, откровения героев культовой ленты грузинского режиссера были восприняты как естественная потребность. Мне, к при-

меру, по дороге на работу в редакцию «Труда» и обратно длинные очереди у метро «Пушкинская» на премьеру «Покаяния» в кинотеатре «Россия» казались народным крестным ходом за долгожданным исцелением от долгой спячки. А столпотворение перед первым в СССР «Макдональдсом», расположенным в какой-то сотне метров от этого места, напротив, через улицу Горького, — приобщением к ценностям цивилизованного мира. Толкотня же у витрин с новым номером «Московских новостей» у другой оконечности Пушкинской площади — жаждой глотка правды. Да, интересное было время — эпоха перестройки. На одном московском пятачке одномоментно ощущалось биение пульса всей большой страны!

Пометки на полях. Каждого из нас ждет своя дорога к храму. Раньше случится это или позже, но любой, кто доживет до необходимости внутреннего диалога с собственной совестью, будет искать ответ на один вопрос: кем останусь в памяти других? В этот момент придется быть максимально беспристрастным к себе, потому как адвокат и обвинитель в оценке пройденного пути, собственных ошибок и заблуждений предстанут в одном лице...

Основатель известного в начале 90-х годов банка «Восток» Рафис Кадыров — несомненно, личность неординарная. Так получилось, что в то время мы часто пересекались с ним на значимых мероприятиях. То меня как журналиста интересует уникальность его очередного проекта, к примеру, «Детского банка». То он зайдет ко мне своих креативщиков за консультациями в сфере масс-медиа. Словом, сосуществовали на расстоянии вытянутой руки. Однажды даже стояли

рядом на вручении наград: ему — как лучшему банкиру, мне — как журналисту года. Кстати, тогда, после мероприятия, направились в гости к директору местного мясокомбината, одного из спонсоров конкурса, где за рюмкой чая откровенно высказались в претензиях, накопившихся за время деловых контактов. Поругались немного, что естественно, но, поняв друг друга, помирились.

Черная кошка между нами пробежала накануне первых президентских выборов. Тогда, осенью 1993 года, Кадыров был единственным и весьма сильным конкурентом Рахимова. По итоговым результатам он набрал вдвое меньше голосов. Мог, если честно, иметь гораздо больше, но республиканские СМИ работали на стороне действующего председателя Президиума Верховного Совета. И в первую очередь Башкирское телевидение, руководимое верным бойцом Муртазы Губайдулловича — Салаватом Кильдиным.

Любопытный, между прочим, факт: Рахимову очень повезло с соратниками, носящими имя национального героя. Все верные ему люди были Салаватами — и Гайсин, и Кильдин, и Аминев, и Турьянов, тогдашний министр здравоохранения. Трое последних, кстати, весьма успешно «съели» непокорного премьера Марата Миргазямова, а тремя годами позже и другого предсовмина — Анатолия Копцева. Мой репортаж о «Чудогородке», подготовленный и прошедший в дневное время на Российском телевидении, так и остался бы незамеченным в республике, не заявись ко мне в корпункт ВГТРК троица Салаватов.

— У тебя остался архив съемок «Чудогородка», — поинтересовались визитеры, вываливая на стол принесенную снедь — коньяк, конфеты и прочие деликатесы.

— Да, и много того, что не вошло в эфирный вариант, — признался я, не чувствуя подвоха.

— А ты не мог бы для Башкирского телевидения смонтировать расширенную версию своего сюжета, — спросил Кильдин. — Не семь минут, как для центрального канала, а часовой вариант...

Каюсь, не смог отказать тогда симпатичным мне Салаватам. Да и обида жила еще на застройщиков элитного поселка «Заречное», что возводился между Затоном и Уфой. Незадолго до этого местные охранники грубо развернули нас, группу корпункта Российского телевидения, заглянувшую на стройку с мирными целями — выбрать натуру для съемки музыкального клипа башкирской эстрадной дивы. Мог ли предположить я тогда, что заявившаяся с данайскими дарами в корпункт троица Аминев-Кильдин-Турьянов задумала ударить моими руками по Анатолию Копцеву, набиравшему в те годы авторитет среди местного населения?

Фильм о «чудо-городке», вышедший в эфире Башкирского телевидения сразу же после указа Рахимова о мерах по борьбе с коррупцией, стал детонатором общественного осуждения высшей исполнительной власти республики. Копцев, председатель Совета Министров, поступил по-мужски: наутро после выхода фильма сам подал в отставку. Следом сняли некоторых министров, руководителей республиканских ведомств. Многих, кстати, отправили в отставку заслуженно — были среди них чиновники, весьма нечистые на руку...

Пометки на полях. Отечественная журналистика как явление переживает, похоже, время своего заката. Ныне это зачастую

синтез так называемой «желтой» прессы и лобового агитпропа советских времен. Со страниц газет, из эфира электронных СМИ исчезают такие пронизанные нервом публицистики фундаментальные жанры, как очерк, статья, проблемная корреспонденция. Возможно, когда-нибудь они снова будут востребованы. Но, боюсь, к тому времени общество подрастеряет определенные нравственные ориентиры, возродить которые одним лишь возвращением настоящей журналистики станет делом невозможным...

Так вот, об обиде Рафиса Кадырова. Он, похоже, лично со мной связал выпад Башкирского телевидения в его адрес во время предвыборной кампании 93-го года. Тогда в авторский выпуск на Центральном телевидении мне пришлось включить по настоящему требованию Кильдина критический репортаж из родного села кандидата в президенты Кадырова, подготовленный одним из репортеров БашТВ. Что может сделать этот человек для целой республики, лицемерно возмущался Салават Амирханович, если даже о своей малой родине позаботиться не способен? Я, конечно, понимал, что в мою программу всовывают образчик черной пиар-технологии. Но Кильдин, вплоть до перегона передачи в Москву по релейной связи, стоял над душой...

Спустя пару лет Рафис Кадыров в своей книге «Сорок свечей прощения» написал обо мне: «Пройдет время, изменятся люди, он еще, возможно, расскажет, как и кем это делалось, как приходилось выдумывать ложь, чтобы поверили люди».

Он прав: об истории восхождения Муртазы Рахимова, весьма посредственного, в принципе, человека, на башкирский поли-

тический Олимп в недалеком будущем будет написано, полагаю, немало. Кто-то собирается с духом, кого-то, наверняка, удерживает чувство осторожности — ведь некоторые птенцы из гнезда бывшего хозяина республики до сих пор находятся у власти. А потому чересчур болтливые, памятливые могут поплатиться карьерой. Но истинная правда о тех годах, так или иначе, обязательно станет достоянием гласности. По-иному, считаю, нельзя: у каждого из нас будет своя дорога к храму...

Между тем, Муртаза Губайдуллович, как мне кажется, ищет собственную тропку для примирения с людьми. Но я почему-то не уверен, что громада строящейся Соборной мечети способна, в какой-то мере, стать оценкой его жизненного пути. Тем более памятником эпохе Рахимова на века. Скорее, наоборот: культовое сооружение, при вполне возможной инициативе «благодарной» уммы, не должно носить в будущем даже отдаленной привязки к имени бывшего президента. В противном случае, над возведенным строением, боюсь, незримо будет витать аура отчуждения, непризнания современниками подобной формы памяти. Подумалось: а если неухоженные до сих пор минареты в строительных лесах, затянувшиеся сроки сдачи из-за разборок Кремля с «Башнефтью» — своеобразная карма? Просто Всевышнего не устраивает в качестве главного каменщика помпезной мечети хозяин благотворительного фонда «Урал», оставивший неоднозначный след в истории собственного народа?

Р.С. Когда версталась эта книга, СМИ сообщили весть: фонд «Урал» приостановил финансирование строительства Соборной мечети.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

По молодости, помнится, собирал газетные вырезки со своими первыми публикациями, что, впрочем, типично для начинающих репортеров. Поначалу даже клеивал их в хронологическом порядке в альбомы для рисования, позже бесхитростно начал набивать ими большие деловые конверты. К коллекционированию собственного «творчества» остыл, когда книжные полки и ящики домашнего письменного стола переполнились газетной макулатурой. Со временем, после частых переездов, журналистский архив заметно уменьшился в объемах. Часть, так и не перечитанная хотя бы единожды, иногда попадает на глаза во время генеральных уборок. Вынести все в мусорный бак — не поднимается рука, хранить дальше — не вижу смысла.

С домашним же телевизионным архивом много проще. Ряды кассет VHS, Betacam на полках выглядят вполне эстетично, да и для повторного просмотра любопытны. Кадры и атмосфера ушедших дней, лица и слова тогдашних собеседников будят в душе определенную ностальгию. К тому же нынче можно без проблем оцифровать аналоговый архив, да и загнать гигабайты в бездонное чрево компьютера. Недавно, кстати, обзавелся именным доменом, осталось лишь разработать собственный сайт. Только вот время все не подберу...

Пометки на полях. Карьерный рост во многих ремеслах, как известно, становится стимулом. Исключением являются разве что творческие профессии. Оно и понятно: для актера или художника важнее быть в глазах людей признанным мастером своего дела, нежели числиться среди коллег

начальником творческого цеха. Такая же шкала ценностей и у журналистов — авторитет собственного имени превышает руководящей должности. Этим, кстати, наше ремесло мне очень импонирует...

Доводилось слышать мнение: журналистика, мол, литература одного дня. Отчасти, замечание точное. Но не совсем, считаю, справедливое по отношению к профессии. Иная статья или репортаж требуют от корреспондента времени, сил, творческих мук. Как писал Маяковский, «изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды».

Конечно, не все свои публикации или телевизионные передачи автор может отнести к категории «звездных». Такие вещи получаются, может быть, раз-другой за долгие годы журналистской беготни. Но если выходит из-под пера резонансная статья или твой телесюжет задевает не одну душу — можешь считать, что хлеб свой ешь не зря. Пусть даже удача улыбнулась лишь однажды — не каждому на веку выпадают знаковые темы. Это уж как повезет...

Я, видимо, человек фартовый. Посчастливилось в начале журналистского пути встретить учителя в жанре газетного репортажа — Фарита Шарипова. Правда, особого отеческого отношения ни ко мне, ни к своему племяннику Ильдару, тоже, увы, уже покойному, внешне нелюдимый репортер не выказывал. Гонял, как шелудивых щенков. Ничего, учились азам мастерства под его пинки. Перенял кое-что я и у Юры Петрова, Радика Абдуллина, мэтра уфимской «Вечерки» Юрия Дерфеля. Они, правда, об этом не догадывались — просто писали себе, как дышали. Я же тайком от них кое-какие приемы брал на заметку.

Тогда, в начале 80-х, многие молодые репортеры нашей редакции грезили мечтой: стать собкорами центральных газет. На что многоопытный Дерфель однажды заметил:

— Ребята, лучше быть головой у мухи, чем задницей у слона!

Сказал — как отрезвил. Но пробиться в большую прессу хотелось. И когда неожиданно мне пришлось переехать в Москву, заветное желание наконец-то стало реальностью.

Так сложилось, что необходимо было перевезти престарелых родителей из Сибая в Уфу: отец-фронтовик, будучи на учете в республиканском онкодиспансере, нуждался в постоянном медицинском уходе. После безуспешных поисков варианта квартирного обмена, оставил старикам свою холостяцкую «однушку» в Уфе, а сам по сибайскому (!) предложению переехал в первопрестольную. На следующий же день после оформления прописки в подмосковной Тайнинке появился в проеме двери заведующего отделом информации газеты «Труд» Сергея Снегирева. И он мне не отказал! Позже признался: сразили моя провинциальная наглость и общая альма-матер — журфак Уральского госуниверситета.

Командировок на новом месте хватало — все же главная профсоюзная газета тогда еще Советского Союза. Не забывал, естественно, своих стариков, частенько заглядывал в Уфу.

Как-то, в один из таких приездов, чаевничал у знакомых в Черниковке. Хозяин квартиры, майор пожарной службы одного из предприятий нефтянки, попыхивая сигаретой, выдал новость: в северной части Уфы строят какой-то завод, о котором даже компетентным людям мало что рассказывают. Известно лишь то, что в производственном цикле предусмотрены вредные выбросы

в атмосферу. В том числе, мол, фостена, который по классу опасности является боевым отравляющим веществом.

На следующий день я заглянул в Башоблсовпроф. Меня, как корреспондента главной профсоюзной газеты страны, довольно почтительно встретил заведующий отделом работников республиканской нефтянки. Мое желание узнать о строящемся предприятии заставило его измениться в лице.

— Только между нами, — прошептал он, буквально распластавшись над столом от желания соблюсти секретность. — Завод строят по негласному распоряжению Шакирова!

Имя первого секретаря Башкирского обкома КПСС Мидхата Шакирова вызывало в те годы у местного начальства панический страх, смешанный с почтением. Иногда только ссылка на него отбивала у журналистов всяческий интерес к теме. На меня же, наоборот, подействовала, как красная тряпка на быка: именно из-за высказывания о нем на летучке в «Вечерней Уфе», как о «бае, который плохо кончит», мне, молодому репортеру городской газеты, отказали в приеме в партию. И потому с азартом начал я собирать информацию о новом уфимском производстве — заводе поликарбонатных смол. Она, кстати, была весьма скудной. Но мне повезло: знакомые вывели на Александра Винкельмана, эколога. Его сведения помогли сложить все кирпичики темы. А в основу статьи легли социологические данные профессора Наримана Аитова из Уфимского авиационного института, не востребовавanno хранившиеся уже пару лет в журналистском блокноте. Шокирующая статистика о загрязнении атмосферы миллионного города вредными отходами нефтехимической отрасли попала ко мне в руки случайно — из закрытого от общественности

исследования. Мне, тогдашнему вечеркинцу, дали эти материалы на время, когда в редакции готовили помпезный материал об очередном юбилее Уфы.

Будущую статью решил озаглавить припиской, привычной в те годы в объявлениях по квартирному обмену — «Черниковку не предлагать!». Материал о неблагополучной экологии в одном из крупнейших мегаполисов страны для союзной прессы был тогда в диковинку. Немудрено, что статью долго согласовывали в ЦК КПСС — почти три месяца. Но все же Снегирев, наш шеф, ее пробил. И когда материал наконец-то вышел, для Уфы он стал информационной бомбой. Помню, неравнодушные земляки по телефону находили меня в Москве с вопросом: как быть? Особенную настырность проявляла некая Молодцова. Я ей тогда посоветовал: собирайтесь в инициативную группу, защищайте Уфу. Позже до меня дошла весть — в городе прошли массовые митинги и манифестации, а возглавили народный протест общественники Новицкий и Молодцова. Строительство завода приостановили, назначили союзную экологическую экспертизу...

Как-то пару-тройку лет назад вышли на меня коллеги из «Башинформа», заинтересовавшиеся первой в СССР газетной статьей о проблемах экологии в промышленных центрах. Тем более, что речь в ней шла об Уфе. Но в своем домашнем архиве публикацию, увы, не нашел — потерялась, видимо. А жаль, перечитал бы ее уже совершенно другими глазами. Вот и говори после этого, что журналистика — литература одного дня...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

На днях потерял телефон. Правда, ненадолго. Но времени, что провел без него, хватило понять, насколько мы рабы нынешних форм общения! И как бываем, порой, беспомощны без такой мелочи, как тот же мобильник. Данность, честно говоря, не радующая.

Пометки на полях. Не помню даже, когда писал кому-либо последний раз письмо. Кажется, старшему сыну лет семь-восемь назад. В памяти сохранилось тогдашнее косноязычие, леность мысли и одеревенелость руки, отличие написанного от слов, идущих из души. Подумалось: мои родители, так и не познавшие в жизни прелести общения с близкими по мобильному телефону или новомодному скайпу, были, наверное, в чем-то людьми счастливыми. Важность разговора глаза в глаза, душа в душу, через тепло рук — это о том поколении. Но уже не о нас — увы...

Бывает, что могу забыть дома наручные часы, иногда — кошелек. Но никогда не выхожу за порог без мобильного. Да что греха таить: даже фланируя по квартире, не забываю про него. Перекладываю из одних штанов в другие, а принимая душ, нет-нет, да поглядываю через стекло кабинки на телефонный дисплей — не светится ли он от входящего звонка? Прямо мания какая-то!

Вот и в тот раз вышло так. Похлопав по карманам и пошарив взглядом вокруг, с тихим ужасом понял: связь с привычным миром утрачена! Вместо того, чтобы просчитать ситуацию, начал судорожно вспоминать номера близких людей и коллег: кого в первую очередь оповестить о своей дезориента-

ции во времени и пространстве?! Что должен сделать теперь в ближайшее время, какие неотложные дела и встречи не пропустить?

Программирование бытия в чем-то спасает нас. Прагматичность превратилась в норму: все вокруг куда-то спешат, деловито упершись взором в только им видимые точки, на неожиданные вопросы реагируют с опозданием. Сегодня, согласитесь, редко увидишь человека, погруженного в раздумья в парковой тиши, на берегу спокойной речки. Или пешехода на шумной улице, с любопытством озирающего окрестности. Может, век такой? Только когда он наступил для каждого из нас в отдельности?

Свою вовлеченность в суматошный круговорот я осознал в середине 80-х, неожиданно для себя став москвичом. Как-то в Доме журналиста, что на Зубовском бульваре, познакомился с легендарным в те годы Юлианом Семеновым, автором всеми любимого Штирлица. Мы с ним сдружились настолько, что однажды я был приглашен к нему в квартиру близ Арбата «на стейк» — жареное мясо по придуманному им рецепту. «Заодно, старичок, проводишь меня потом на вокзал, — предупредил Юлиан Семенович заранее. — Отбываю в Ялту, там у нас дом, поработаю над книгой». Московское обращение «старичок», кстати, мне никогда не нравилось, но из уст Семенова оно прозвучало как-то доверительно...

Был, помнится, выходной день. Вышел из своей квартиры на Тайнинке заранее, мысленно просчитав хронометраж пути. К тому времени уже четко знал, у какой точки кафельного пола в метро «Комсомольская» ждать поезд, чтобы удобнее было выскочить и устремиться к переходу на другую линию, ведущую в сторону Арбата. И, лишь поднявшись из метро на поверхность, осознал, что

стал частичкой вечно суетящейся Москвы. «Ведь выходной сегодня, не на работу! — дошло до меня. — Куда так спешу?».

К чему это я, спросите? Да к тому, что за все время жизни в первопрестольной не удосужился, к примеру, хоть однажды прогуляться по тем же Воробьевым горам. Или, скажем, сходить на театральную премьеру. В музее Пушкина был один раз, да и то по работе. Зато когда выбрался на Новый год в Уфу, неожиданно очаровала неспешность улицы Карла Маркса, над которой тихо и торжественно кружился крупный снег. И так захотелось вернуться сюда, обратно!

Нынче Уфа, к сожалению, уже другая. Такая же торопливая, чужая из-за новых лиц, озабоченная собственными делами и проблемами, которые, как известно, никогда не заканчиваются. Все делаем на бегу — встречаемся с друзьями, обсуждая мелкие радости на ходу, сочувствуем ближнему, украдкой поглядывая при этом на часы. Не выпускаем из рук мобильник, до полуночи зависаем в интернете, обмениваясь при этом лайками и скудными комментариями, считая, что находимся в постоянном контакте друг с другом. Даже по великим праздникам отделяемся стандартными заготовками поздравлений, которые по-стахановски рассылаем по всем адресам, имеющимся в памяти телефона. Сам, признаюсь честно, когда вижу банальный текст эсэмэски от хорошего человека, до конца, порой, не дочитываю.

Пометки на полях. Наши квартиры становятся «английскими крепостями», в которых прячемся от многообразия лиц. И лишь в скорбные минуты, собирающие нас, сегодняшних, на траурные прощания со старыми знакомыми или близкими людьми, приходят в душу те простые

слова, которые надо было бы сказать неделей ранее... И не на бегу, как живем, а в неторопливой, полумолчаливой беседе, когда даже паузы значат больше иных слов. Как умели делать это наши старики.

...Телефон нашелся быстро. Спустя минуты после пропажи, кинулся к стационарному аппарату. Наверняка и вам приходилось искать по квартире подобным способом своего мобильного хозяина. На звонок ответил детский голосок: «Это вы телефон потеряли?». Оказалось, что обронил его возле подъезда, когда выходил из машины. Нашел мобильник соседский мальчуган, торопившийся в школу на занятия по волейболу. Мой панический звонок застал его возле близлежащего «Макдональдса». Через несколько минут мы встретились и в качестве благодарности я предложил пацану угоститься по его выбору. Разошлись довольные: он с увесистым пакетом биг-маков заспешил вприпрыжку на свои занятия, а я, обретший свой «мобильный хомут», тут же начал оповещать мир, что нашелся, наконец, в системе его координат...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Есть профессии, представителям которых можно по-хорошему позавидовать. Скажем, хлебопеку, врачу или сталевару. Что бы ни происходило на дворе, их ремесло всегда будет востребовано. Дом, возможно — не полная чаша, но семья, по крайней мере, голодной не останется. Иное дело, художник. Картину могут не купить из-за дороговизны, а на кисти, холст и краски для последующих творений имеющихся денег может просто не хватить. Остается одно — творить не

собственное видение жизни, а искаженное, удобное потребителю. Потому тот же пекарь или лекарь доживают свой век в спокойствии, в некоем отдалении от общественной смуты, а у творца до последнего вздоха нет чувства самоуспокоенности.

Фразу «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен!» приписывают Конфуцию, кто-то считает ее китайским проклятием. Моему поколению, родившемуся в эпоху советских ценностей, вставшему на крыло под защитой могучего, как нам казалось, государства, повезло, возможно, больше, чем моим детям и внуку. Время шло плавно, дни тянулись медленно, жизнь протекала неспешно. Не то что ныне: события мелькают, как на убыстренной киноплёнке. Мы, помнится, знали о своем будущем на десятилетия вперед: школа, ПТУ, техникум или вуз, распределение на работу с гарантией бесплатного жилья, дешевые путевки в санаторий. Но были лишены при этом, казалось бы, самой малости — свободы мышления, права на собственное мнение...

Где-то внутри порой свербит спасительная мыслишка: что бы ни происходило в мире, до любого исхода, возможно, уже не доживу. Чем, скажем, тот же раздраз с братской соседней страной закончится, насколько страшен для будущего глобальный клинч религий как отголосок парижских событий, к каким лишениям приведет переполох с рублем? Хорошо, уйдешь ты, но жизнь-то других не остановится! Твоих детей, родных, друзей. Вот уж поистине китайское проклятье — время перемен!

Когда-то обожал Никиту Михалкова, чистого в помыслах юношу из фильма «Я шагаю по Москве», талантливого режиссера «Родни», «Неоконченной пьесы для механического пианино», «Своего среди

чужих, чужой среди своих». А ныне он вызывает отторжение своими поучениями в авторской программе «Бесогон ТВ» на телеканале «Россия-24». Все-то у него продумано: снисходительный тон на фоне трех, якобы правительственных телефонных аппаратов за спиной, шеренги бюстиков императоров, выстроенных по ранжиру на полочке. Антураж низводит зрителя до уровня дворовой челяди. А он, барин, великолепно владеющий словом и мимикой, советует нам любить державу. Но почему-то кажется мне, что за свою усадьбу на Николиной горе сам беспокоится больше. Такой статус-кво его вполне устраивает — дети пристроены, бизнес цветет и пахнет, властью обласкан. Вот кому смута в стране не нужна!

Телевидение — штука опасная. Оно без спроса заходит в любой дом, ломает и коректит сознание, с удивительной легкостью подменяет истинные ценности мнимыми. К примеру, мы уже не представляем традиционные новогодние концерты без клана Пугачевой, любимчиков Игоря Крутого, хохмачей от Петросяна. А ведь их всего каких-то два-три десятка человек! И они определяют современное лицо российской эстрады! И наше, соответственно, культурное пространство.

Но, вместе с тем, телевидение телевидению рознь. На периферии оно другое. Здесь нет откровенного цинизма, желтизны, самолюбования. В российских регионах телевидение попросту обречено быть зеркалом общественных явлений. Вы призадумайтесь: не в каждом сельском доме выписывают федеральную прессу — и дорого, и невыгодно из-за одинаковой трактовки общероссийских событий. А вот свою районную газетку читает практически каждая семья. И пусть статьи в ней не отличаются высоким литера-

турным стилем, написаны бывают порой корявенько, рассказывают больше о надоях, изобилуют отчетами местного начальства. Но зато передают дух и нерв родных мест. Так и телевидение, пусть не такое технологически выверенное, как идущее из Останкино, но вместе с местным радиовещанием представляющее собой ту информационную паутину, которая помогает жить. И простым смертным, и властям. Первым оно необходимо, чтобы чувствовать себя единым сообществом, вторым — знать, что творится в умах людей. Представьте только: отключили на денек-другой местное вещание в любом российском регионе — наступит, уверен, хаос! Без теленовостей из самой дальней глубинки, народного фольклора, репортажей с сельского праздника, живых лиц и местного говора, правительственного официоза, информации о пробках на дороге и выступлений экспертов по региональному радио, того же прогноза погоды можно продержаться какую-то пару недель. Скажем, в отпуске, находясь далеко от отчего дома.

И это только кажется некоторым, что местное телерадиовещание — пустая трата денег. Частенько вижу отзывы на иных «независимых» сайтах: мол, я БСТ не смотрю! А ежели игнорируешь местный телеканал, мил человек, то на каком основании судишь о нем? Значит, смотришь или, по крайней мере, поглядываешь краем глаза. Можно, конечно, сократить объемы вещания, уволить специалистов через одного, как предлагают порой горячие головы. Ломать — не строить, дороже будет позже создавать все с нуля, когда всем станет понятно — сгруппили! Очевидно же, что на одних шоу Андрея Малахова или тупых боевиках НТВ долго не продержишься! Интерес к будням родимой сторонки все равно проклюнется: не космополиты ведь мы с вами отморозенные!

Местные электронные СМИ — не наша придумка. Это суровая необходимость, которую ни один здравомыслящий человек не будет отрицать. Разве что тот, для кого малая родина — временная пристань...

Кстати, то же китайское проклятье, думается, можно использовать и во благо. Если перемены, которые назрели объективно, воспринимать как данность, как благо. Ведь не все, что отрицается прозревшим обществом, было построено на здравом смысле. Те же воровство и кумовство, царящие кое-где во власти, разгул коррупции среди чиновников, самодурство в экономике появились из-за нашего с вами рабского молчания. К примеру, майдан в Киеве был порожден народной жаждой справедливости. Только вот беда в том, что бились на баррикадах одни, а теплые места наверху заняли другие, не менее жадные до денег, чем их предшественники. Не отстаем от соседей в своей политической недалёковидности и мы. К примеру, в Москве под водительством байкера Хирурга начали создавать свой «Антимайдан», по сути, аналог «черной сотни», призванной бороться с инакомыслящими. Чую, не доведет до добра такое рвение...

Есть, правда, выход — выжить по страусиной технологии. Но, запрятав голову в песок, задницу не спасешь. И людей, близких тебе, от невзгод не обезопасишь. Можно, конечно, успокаивать себя тем, что прожил жизнь относительно честно, на погосте, мол, отчет не потребуют. Но не лучше ли последовать совету Экзюпери: быть в ответе за всех, кого приручил. И попытаться выверты времени перемен превратить во благо всем?

Недавно наткнулся на любопытную медицинскую теорию. Из нее следует, что все люди запрограммированы верить в то, что они жертвы неких сил и не способны контролировать ситуацию. Такая вшивка

в сознание дается нам изначально — напрямую от родителей. К примеру, когда заболевали, старшие говорили нам, что нужно идти к доктору, потому как он является авторитетом, заботящимся о нашем здоровье. То есть с детства получали установку: за наше здоровье отвечают врачи, и только они. А мы, мол, не способны к самоизлечению. Причем зачастую нам становилось лучше уже на пути к лекарю. А если человек не имел бы такую программу, утверждают специалисты, то его внутренний ресурс сам справился бы с возникшим недугом. Любопытно, не правда ли?

И подумалось в связи с этим: а может Конфуций, если ему принадлежат все же слова о нежелательности времени перемен, имел в виду другое — смена внешних декораций не сулит сонного спокойствия. А что делать, если фон себя уже изжил, и сладкоречивые «бесогонны михалковы» желают добра лишь себе, но никак не тебе? Тогда, может, и хорошо, что перемены случаются?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Есть у меня такое желание — послушать себя, сегодняшнего, лет эдак через десять. Соглашусь ли с собой, пойму ли спустя годы нынешние сомнения?

Путь каждого из нас по-своему неповторим. Несмотря на внешнюю схожесть биографических вех и заданность поведения в тех или иных ситуациях, каждый, тем не менее, прорисовывает собственный жизненный зигзаг. Вроде как клянем и хвалим себя за одинаковую реакцию на подлость или благородство, однако степень отношения ко всему подчас у всех разная. Еще субъективнее бывает оценка, когда присматриваешься к себе...

Пометки на полях. В моем далеком детстве было негласное табу, которого, помню, придерживались все. Это магическая фраза, действовавшая безотказно: «А что люди скажут?». И все! — глупость тут же исправлялась, а подлость пресекалась. Нынче угрозой общественного осуждения никого не испугаешь, не вразумишь. Оттого нравственный стержень, полагаю, у некоторых и надломился. Народ постепенно перестает быть народом, превращаясь в некую биомассу. По формуле «нипл хавает» мы становимся безучастными к сухой арифметике войны, полыхающей на том же юго-востоке Украины, удивительно спокойно воспринимаем несправедливость противостояния, когда единоверцы, будь то мусульмане или православные, на радость далеким заокеанским интересам с упоением истребляют друг друга.

Наша память, как подмечал ранее, стала избирательной. Помним лишь благостное, приятное слуху и сердцу, злое же стараемся забыть. Потому как последнего стало многократно больше. Возможно, причина такого поведения кроется в инстинкте самосохранения.

Однако кое-кому наша забывчивость на руку. В первую очередь тем, кто желает своего позитивного воскрешения в памяти потомков, не знавших нюансов вчерашнего дня. Скажем, людям, прожившим долгое время среди нас во зле к нам. Или топтавшим других в силу своих властолюбивых амбиций. Логика таковых при этом проста: время прошло, многое забылось. Остались лишь факты, лишённые эмоций.

Возьмем примеры из нашей с вами недавней жизни. Каких-то пару десятков лет назад

эти люди правили в республике бал. Были небожителями, живущими по собственному кодексу. Я — о чиновниках из окружения Муртазы Рахимова. Того же Исмагила Габитова, Ильдуса Адигамова, Виктора Пчелинцева, Фидуса Ямалтдинова. Кто нынче вспоминает о том, что вытворяли они, какие делишки делали? И что знаем о них, нынешних — богатеньких, ушедших в политическую тень? Тот же Ямалтдинов, ходили разговоры, всегда был не равнодушен к лекарственному бизнесу. И надо же — без лишней помпы возглавил после зампремьерства крупнейшую государственную структуру «Башфармация» с разветвленной сетью аптек! Или тот же Габитов, который создал под своим сыном-ректором настоящую аграрную империю. А для охраны семейного бизнеса провел наследника в башкирский парламент.

Вполне возможно, что пройдет определенное время, и эти люди постараются вбить свои имена в будущую республиканскую летопись как исторические личности эпохи строительства первой модели обновленного Башкортостана. Как, скажем, Рахимов, вознамерившийся ныне увековечить свое имя в качестве строителя крупнейшей в Европе соборной мечети. Уж лучше бы, думается, Муртаза Губайдуллович воздвиг вместо помпезного молельного здания некий храм примирения и согласия всех конфессий, распространенных в нашем регионе. По аналогии, скажем, с тем же школьным курсом об основах мировых религий, объединяющим сегодня детей разных вероисповеданий. И наполнил бы такое светское учреждение ребячьими голосами, воссоздав на карте миллионного города своеобразный Центр детства вместо уничтоженного при его правлении Дворца пионеров.

Пометки на полях. Никто из нас, понятное дело — не святой. Но редко кто находит в себе силы правильно оценивать пройденный путь. Можно, конечно, пойти тропой смирения, посыпая голову пеплом. Это — крайность. Есть и другая дорога, по которой идут сегодня твои соплеменники. Встать с ними рядом, почувствовать плечо ближнего — тоже, согласитесь, поступок.

Несомненно, что Муртаза Губайдуллович займет свое место в завтрашних энциклопедиях. Огромный пласт новейшей истории республики, хотим того или нет, связан с его именем. Другое дело, каким он сохранится в нашей памяти — реформатором, душеителем или жертвой определенных обстоятельств. Стремительный взлет Рахимова на политический Олимп, искреннее желание сохранить потенциал республики в непростые 90-е годы при отсутствии в первое время полного понимания даже среди его единомышленников, а затем полная деградация как отца нации на закате карьеры — трагедия этого неординарного человека.

Выскажу собственное мнение, в котором, кстати, не одинок. У Рахимова была уникальная возможность сохранить свое имя в памяти благодарных потомков и без сегодняшнего богоискательства, точечной благотворительности. Нужно было лишь принять единственно правильное решение в начале нулевых: сдать дела после победы на выборах 98-го года и отлаженную государственную машину надежному преемнику, а самому, уже помудревшему и уставшему, отойти в сторону. Но ощущение всевластия и, что немаловажно, сладкий елей от не наевшихся к тому времени досыта царедворцев сделали свое дело. Нынче он один держит ответ за прожитые нами годы. А это, считаю, неспра-

ведливо: многие из тех, кто под лучами байского солнца вседозволенности проворачивал свои делишки, попрятались в наших рядах.

Меня многие в эти дни спрашивают: а зачем тебе это — возвращение в прежние годы? Что движет тобой? Считаю, что обязан сделать такой шаг: карты легли таким образом, что оказался я в свое время на расстоянии вытянутой руки от матерого хозяйственника Рахимова. И, хотя разница в возрасте между нами была в два десятка лет, на многое мы смотрели одинаково. Может, сказалось то, что родились в один и тот же день? Или одинаково желали добра своей земле? Его опыт и моя горячность удачно, полагаю, дополняли друг друга в первые годы нашей дружбы. Вспоминаю с теплотой многое: и неуклюжие подарки от Муртазы Губайдуловича в виде авторучек, редких тогда ежедневников, тяжелющего настольного прибора из камня, на задней стороне которого поначалу не заметил дарственную надпись «Президенту М.Г. Рахимову от города Учалы». И любимую нами ливерную колбасу из его рабочего холодильника в ходе поздних посиделок с рюмочкой в полупустом в те годы правительственном здании... В памяти сохранилось много доброго в наших отношениях. На что позже наложилось резкое неприятие байства, привитое Рахимову его услужливым окружением.

Человек по своей сути слаб. Этим, как ни странно, он и силен. Таков уж парадокс крепости духа и физической немощи, подлого нутра при гармоничном телосложении. Редко, когда в одном индивидууме удачно сочетаются оба совершенства. Это в книгах и кинофильмах мы создаем идеальные образы. В жизни же чаще встречается иное...

Пометки на полях. То, что творим сегодня, не торопимся вписывать отдельной страницей в собственную летопись. Нынешние дела кажутся поправимыми — еще, как говорится, не вечер. Но вот вчерашнее считаем уже частью истории. Любопытно, не правда ли?

...ГКЧП в 1991 году, как вы помните, грянул для всех нас неожиданно. Республики большой еще тогда страны, в том числе и Башкирия, жили в предчувствии подписания Союзного договора, в формате которого мы планировали стать его равноправным участником. Оттого с аккордами телевизионной трансляции «Лебединого озера» тревожно стало многим. На местах, в те памятные августовские дни, во властных структурах, царила тихая паника, вперемешку с мстительным возбуждением. Не стал исключением и наш регион. Помню, по дороге на работу в троллейбусе столкнулся со знакомым чином из КГБ, с которым общались до того при редких встречах довольно миролюбиво. «Ну что, дождались, — вдруг злобно прошипел он мне. — Теперь все будет по-иному!».

Тем же вечером заглянул по привычке к Рахимову, возглавлявшему Верховный Совет республики. Несмотря на поздний час, Муртаза Губайдуллович был, как обычно, в кабинете. На столе перед ним лежал типографский оттиск местной газеты с обращением Бориса Ельцина «К гражданам России».

— Вот, «Ленинец» хотел дать в завтрашнем номере, Аюпов изъял и запретил редактору печатать! — кивнул он мне на оттиск газетной полосы. — Что думаешь?

— Пусть бы печатали, — пожал я плечами. — Ельцин же возглавляет Верховный Совет России. Сейчас все в Москве решается.

В последующие дни, надо признать, Рахимов повел себя не самым лучшим образом: метался между ГКЧП и Ельциным. Оно и понятно: как бывший «красный директор», он, конечно же, считался крепким хозяйственником и опытным руководителем одного из крупнейших в стране нефтеперерабатывающих заводов. Но вот политиком в те годы, надо признать, был еще неопытным. А я к тому времени хорошо знал российский парламент изнутри. Все же за плечами был стаж работы в прямом эфире из Георгиевского зала Кремля при трансляции первых заседаний Верховного Совета РСФСР. При мне избирали его председателем Бориса Николаевича, а Хазбулатова — замом. Того же Александра Руцкого, к примеру, заставлял бегом выскакивать из зала заседаний в фойе на интервью к моему курскому партнеру по эфиру Вадиму Симоненко. С Сергеем Шахраем в курилке обсуждали наиболее заметные выступления нардепов, шутили подкалывали одного из разработчиков российской конституции Олежку Румянцева. Знаком был с доброй половиной депутатского корпуса, их помыслами и азартной решимостью. И вот когда в следующий приход увидел у Рахимова телеграмму от одного из них — командующего Приволжско-Уральским военным округом Альберта Макашова — с директивой встать на сторону ГКЧП, еле смог удержать Муртазу Губайдулловича от опрометчивого шага. Сослался, помню, на просьбы знакомых офицеров уфимского гарнизона, которые советовали башкирским властям не поддерживать путчистов.

Вскоре, после поражения ГКЧП, Рахимова на «судилище» вызвали уфимские депутаты. Был на том памятном заседании со съемочной группой и я. С трибун звучали обличительные речи, ораторы, казалось, распалялись сами. И тут обратил внимание, что вокруг сидящего в партере Рахимова начала образовываться пустота — депутаты потихоньку отсаживались от потенциальной жертвы. То ли мне показалось, то ли действительно это было: буквально за минуты лицо Муртазы Губайдулловича засерело щетиной. Не понимаю до сих пор, почему предпринял такой демарш: обласканный в те годы вниманием как популярный телеведущий, я решительно прошел через половину зала, подсел к опальному председателю республиканского парламента и что-то начал оживленно с ним обсуждать. К Рахимову опять начали стягиваться депутаты, кто-то из них даже репликами попытался поучаствовать в нашей беседе. И тут краем уха услышал, как начала слабеть с трибуны гневная риторика, сменился тон выступлений. А позже народные избранники Уфы, настроенные поначалу весьма критически к нерешительности Муртазы Губайдулловича в деле с ГКЧП, и вовсе простили его...

Пометки на полях. Если использовать современный фрейдистский термин, то наше прошлое амбивалентно. В нем, по Вольтеру, нет никакого божественного промысла, историю люди делают сами. При этом они создают нужное понимание прошлого вовсе не так, как им хочется. Вернее, общество может, конечно, творить историю по собственному разумению. Но если люди делают то, что не соответствует «духу времени», подобное вызывает некое противодействие.

Прожитое невозможно судить однозначно, ибо это односторонняя точка зрения. Такую ситуацию Вольтер еще называл «пирронизмом» истории по имени древнего скептика Пиррона, советовавшего современникам отказаться от определенных суждений о событиях и явлениях. Чувства обманывают, считал Пиррон, а мнения о каких-то вещах у людей разные.

Позже мне еще не раз приходилось подставлять Рахимову плечо. К примеру, он упорно продвигал в те годы идею создания республиканского министерства внешних связей. При этом во главе ведомства видел проверенного с заводских времен Рафиля Гарифуллина. Но в решающий день заседания Верховного Совета, когда вопрос выносился на повестку дня, сработала депутатская оппозиция. Кандидатуру, предложенную Рахимовым, отклонили. Причем со значительным перевесом. В обеденный перерыв Муртаза Губайдуллович неожиданно спустился в зал и направился напрямик ко мне, стоявшему в проходе рядом с оператором.

— Послушай, как они не понимают: Гарифуллин — самая удачная кандидатура. Он уже и наработки имеет по международным связям, дело знает! Что делать-то?!

— Все будет нормально! — успокоил его я.

И тут же пошел между рядами, вылавливая авторитетных депутатов, особенно зауральских. Они все хорошо знали меня, я — их. До конца перерыва успел «обработать» с десятков человек с наказом склонить на свою сторону до голосования максимум единомышленников. И вот повторное голосование, инспирированное одним из моих подопечных. Результат был ошеломляющий! Теперь уже явный перевес в пользу Гарифуллина. Позже мой начальник, председатель

республиканского Гостелерадио Салават Кильдин, в разговоре со мной удивлялся:

— Как это Рахимову удалось Гарифуллина протащить? Мы же за два дня до заседания многих депутатов почти уговорили Рафиля прокатить! Непонятно.

Я, естественно, ничего ему не стал объяснять...

* * *

Пометки на полях. Как вспоминается, не было такого года в последние лет десять, чтобы с началом января не лежал на рабочем столе новенький ежедневник, а ближайшую ко мне стену не украшал бы свежий календарь-трехмесячник. Поначалу относил подобные бытовые мелочи к своей дурацкой склонности все планировать наперед. Расписывать не только день по часам, но и грядущую неделю, а то и месяц... Потом дошло: привычка как вторая натура — алгоритм нынешнего бытия. Отними, думается, теперь у меня возможность предполагать в деталях свое ближайшее будущее — все станет пресным, даже тревожным.

Да, стал в чем-то скучным для окружающих, нудным в своей предсказуемости. Согласен. Но мне так легче...

Эту свою вторую книжку «В краю несгибаемых кураев» решил дополнить другим названием — «Публицистические размышлизмы». Почему так? Не знаю: потребность думать о происходящем и вспоминать минувшее через призму сегодняшнего дня — грех, видимо, возрастной. Многие, полагаю, приходят к такой форме самоанализа, но не всяк решится признаться в подобном. Даже втихомолку себе, любимому, не то что при-

людно. Мне же, как человеку пишущему, делать это намного сподручнее. Родство с бумагой стало по-настоящему кровным. Плюс к этому шесть десятков лет за плечами, прожитых по собственному разумению. Не всегда, возможно, праведно. Отчего бы, в связи со всем этим, не поделиться собственными размышлениями? Хотя бы с самим собой...

Я ведь изначально писал лишь для себя — в именном блоге на сайте Башкирского спутникового телевидения. Кому было интересно, мог полюбопытствовать. Увидев востребованность в моих записках со стороны читателей, решил издать их отдельной книжкой. Пусть будет, вдруг кто-то и сохранит ее на своей домашней полке. Мы, журналисты — народ тщеславный. Не скрываем этого. И я не исключение.

Завершать последнюю главу всегда трудно. Особенно, если втянулся в такое увлекательное дело, как экскурс в прожитое. Но, видимо, когда-то пора и точку ставить. Что и делаю...

Один из моих телевизионных учителей, гуру ЦТ Эдуард Сагалаев, закрывал свою новостную программу «7 дней» словами «Всех благ!». При личном знакомстве в начале 90-х, на берегу Агидели под Уфой, я испросил у Эдуарда Михайловича разрешения использовать его «прощалку» с телезрителями в своей эфирной лексике. Он благожелательно позволил, с тех пор я всегда завершаю собственные передачи этими словами. Не стану отходить от традиции и нынче. И потому желаю — всех вам благ!

Ваш Азамат Саитов.

*Вместо
послеловия*

ОТ АВТОРА.

Три года назад в издательстве «Уфимский полиграфкомбинат» вышла моя первая книжка «От ноября до ноября, или Путешествие из СССР в Россию». Как теперь выясняется, тиража всем жаждущим не хватило. Ко мне по сей день обращаются друзья, коллеги и вовсе незнакомые люди с одной просьбой: помочь найти хоть экземпляр. Увы, подобное даже мне не под силу — на домашней полке лишь авторский выпуск...

Но осталась электронная версия книги, которая вскорости появится на моем официальном сайте «азаматсайтов.ру». Тем же, кому не терпится, решил сделать небольшой презент — приложить к этой книжке несколько глав из предыдущей.

Так что, извините — чем, как говорится, могу...

ОТДЕЛЬНЫЕ ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ
«ОТ НОЯБРЯ ДО НОЯБРЯ,
ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ СССР
В РОССИЮ»

Подметил за собой такую особенность: нравится собираться в дальнюю дорогу. Продумываешь необходимость той или иной мелочи, с любовью утрамбовываешь дорожную сумку или чемодан, в который раз суетливо перепроверяешь: все ли уютно да ладненько разложено? А добравшись до места, содержимое багажа безо всякого почтения раскладываешь по гостиничным сусекам. Так и в жизни: вчерашнее затмевается завтрашним.

Видимо, жажда перемен свойственна многим. Привычный уклад, пусть даже обустроенный, надоедает подчас своей размеренностью. Одни впадают в хандру, другие решаются на безрассудство, третьи ищут неизвестных доселе ощущений. Чтобы потом затосковать необъяснимой досадой на самого себя. Или, в крайнем случае, обвинить в переменах другого. Уж такие мы...

«Ничто не бывает без начала, и все начинается с дороги» — фраза из чудной повести «Ожерелье для моей Серминаз» Ахмедхана Абу-Бакара, писателя еще того, советского, Дагестана. Я почему-то раньше полагал, что она из кладези восточных мудростей. И ссылался иногда как на древность, цитируя, не ведая того, слова умного горца-современника.

Лично я — человек беспартийный. И оттого свободен в праве выбора, могу пойти

любой дорогой. Побежать, скажем, за горизонт под новым стягом или же присесть у обочины в ожидании погожего дня для долгого путешествия. Есть еще вариант: вернуться с половины пути на вчерашнее пепелище. При любом исходе это будет моим решением. Которое приму осознанно, чтобы корить позже только себя. Или, в худшем случае, поводыря, уговорившего составить ему компанию в долгой дороге за горизонт.

Из ничего не появится что-то. Это — аксиома. Потому свою синицу буду греть за пазухой. Чтобы ненароком не замерзла...

Да, собирать в поездку чемодан — дело, безусловно, приятное. Но одно дело, когда выходишь в путь из дома, который имеешь. И другое, если отправляешься в поисках лучшей доли и более обустроенного крова. Не факт, что в конце дороги тебя ждут...

ПРОСТИ МЕНЯ, ЭЛГУДЖА!

Вспомнился на днях Элгуджа, владелец небольшого уфимского ресторанчика «Грузинский дворик», что располагался на задних дворах одного из столичных торговых комплексов. Где он теперь, человек искренний, любящий свое дело? Кого радует нынче вкусными хачапури, ароматным сациви, кому достает из хозяйских запасов настоящую «Хванчкару»? В «Грузинском дворике», кстати, мы с женой отметили одно из самых чудных новогодних застолий. И вот как-то, года три-четыре назад, ресторатор по телефону в сердцах обронил: уеду к себе, на историческую родину. Потому как житья ему здесь местные начальники и блюстители порядка не дают... Словом, в моей памяти он остался человеком с взъерошенным характером, которого Уфа, где он прожил последние двадцать лет школьным учителем труда, так

и не защитила. Прости и меня, Элгуджа, как частичку башкирской земли, ставшей для тебя в одночасье негостеприимной ...

А познакомились мы в нерадостное для него время, когда в России повсеместно, после прихода к власти Михаила Саакашвили, началась «волчья охота» на все, связанное с нашим южным соседом. Мы, три журналиста, случайно забрели на огонек в его заведение — искали тихое для беседы место. Хозяин, по грузинской традиции подсевший на минутку к гостям, засиделся с нами до позднего вечера. Говорили и спорили жарко. Начали с Кикабидзе и его бесподобного Мимино, перешли на политику. Но разность взглядов не помешала расстаться друзьями: мы ведь все были родом из СССР. Это сегодняшним пацанам, выросшим уже в разных государствах, легко целиться друг в друга. Нам же, вскормленным под одним кумачовым стягом, многое в собеседнике близко и понятно.

Об одном сожалею: не попасть уже в прежнюю атмосферу Тбилисобо — праздника грузинской столицы. Нет, свой день город отмечает в последнее воскресенье октября и поныне. Но уже без нас, съезжавшихся сюда со всей страны на знаменитые народные гуляния. Как не слетать теперь запросто и в Ташкент — «звезду советского Востока». Где рынки Куйлюк и Госпитальный манили прохожих ароматами лагмана и плова, а огромный жилой квартал Чиланзар, выстроенный после памятного землетрясения в узбекской столице, радовал в те годы глаз броскими надписями на стенах домов, типа «построено Краснодаром, подарено Саратовом...» Там, в Ташкенте, в далеком 73-м, мне, кстати, представилась было возможность посидеть за одним обеденным столом с артистами из Театра на Таганке —

Золотухиным, любимым мною тогда Бумбарашем, с самим Высоцким. Но я (чудак!) предпочел приглашению директора местной госфилармонии, приятеля двоюродной сестры, культпоход на какой-то заморский фильм.

...Да, не ценили мы тогда огромность своей страны. Простоту отношений, общность поэтических пристрастий, родство душ и взглядов. В армии, к примеру, в одном взводе со мной служило немало казахов. Среди них были ребята, весьма продвинутые в музыке: они знали песни «Воскресенья», «Цветов» — перед отбоем в казарме буквально рвали друг у друга гитару! А в Чечне времен первой войны, на одном из блокпостов при въезде в разрушенный Грозный, со мной делились сигаретами новосибирский паренек из пехоты и чеченец из лояльной нам в ту пору роты охраны тогдашнего главы республики Доку Завгаева. Вспоминали советские фильмы, говорили о «Песнях». А на следующее утро узнал: их, обоих, ночью вырезали боевики...

Очень хотелось бы в этот Новый год вновь посидеть в уютном ресторанчике у Элгуджи. Скучаю по молдавским ребятам, моим добровольным переводчикам, с которыми вместе отдыхали в социалистической тогда Румынии. Вспоминаю саратовского немца Кольку Фрейзера, переехавшего в Германию, Саньку Гринталя, осевшего на земле обетованной. Хотел бы свозить своих детей в древнюю Бухару, в городок Раметан, где после ранения на Калининском фронте военкомил отец, не прочь был бы поваляться на пляже под Красноводском с горячим туркменским однокурсником свердловского журфака Мамедклычем Мамедклычевым, или просто Мадей. Увы, увы...

Но это было. И это все во мне. И хорошо, что было!

КНИГИ — ОБОИ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ?

Перебираясь в другую квартиру, первым делом упаковал книги, главное сокровище своего домашнего кабинета. Лишь потом остальное, но книги — в первую очередь. Это уже в крови. Разбирая вещи по новому адресу, опять же начал с личной библиотеки. И вдруг, бросив взгляд на полки новых шкафов, прогнувшихся под тяжестью томов, осознал: кроме меня самого, эти ровные ряды книг, собираемые любовно всю сознательную жизнь, уже не будут востребованы никем. Потому как их время, похоже, проходит... От этой мысли стало немного грустно.

По домашним собраниям сочинений, отдельным книгам мог бы составить хронологию своей жизни. Вот, скажем, Альфонс Доде — достался от отца. Сам он, фронтовик, не был книгочеем. Но по какому-то партийному списку райкома однажды завез в дом кирпичики, пахнувшие свежей типографской краской. И Пушкина, и Чехова, и Толстого. Я же, сопливый второклашка, с упоением выбирал тогда из фонда ближайшей городской библиотеки сказки. Чуть подрос, перешел на домашние запасы. От книг нас с братом нельзя было оторвать! После грозного отцовского «Отбой!», мы с ним крались к окну и продолжали читать при свете уличного фонаря. Брат именно поэтому, кстати, сильно подсадил зрение...

Пристрастие к литературе в горном техникуме выгодно отличало меня от своих сверстников — простых сибайских хулиганствующих пацанов. У нас, осваивающих после восьмилетки главную профессию зауральского городка, в программе были предметы девятого и десятого классов. Поэтому на уроках литературы я отдувался за

всех ребят: даже учительница закрывала глаза на то, что на ее занятиях солировал обычно я один.

Уже в армии, в ранге старослужащего, мог позволить себе засидеться после отбоя с томами О'Генри и Драйзера. Может, оттого, отслужив, не стал поступать в горный институт, куда традиционно по наущению родителей уходили все сибайские дембеля, а выбрал к досаде отца свердловский журфак.

Все последующие годы занимался книгонакопительством. Модные Дюма и Дрюон, Пикуль, Анна и Серж Голон, Есенин и Шишков, Распутин... А потом компанию им составил и Солженицын. В холостяцкой квартирке начинающего репортера уфимской «Вечерки» полки с магнитофонными бобинами чередовались с рядами полных собраний сочинений многих авторов. Девчонки, тусовавшиеся чуть ли не ежевечерне в моей келье, в первые минуты даже робели слегка. Но дешевенький портвейн, да Джо Дассен с «битлами» быстро возвращали их в атмосферу раскрепощенности... По выходным дням с приятелем-журналистом Андрюхой Ничковым, таким же книгоманом, пробирался по тайным тропкам к месту сбора очередной «тучи» в заброшенном углу какого-нибудь уфимского парка. С азартом торговались с продавцами, обменивались изданиями, довольные торопились по домам. Чтобы затаиться в тиши своих квартир с очередной, дефицитной по тем временам, книгой.

...Теперь сижу вот и смотрю на ровные ряды своей домашней библиотеки. Для кого собирал все это богатство, спрашивается? Для детей, конечно. Так нас воспитали родители. Это у нас в крови. Потому мы временами и бываем правильными и скучными. А у тех, кто идет за нами, иной темп жизни, другая философия. Переубедить их в чем-то,

по всей видимости, мы уже, увы, не в состоянии. И доказать, что книги, пусть с чужими, но умными мыслями — благо, тоже не сможем. Несмотря на всю свою начитанность. А жаль...

КАТАРСИС ПРЕДУТРЕННОГО КОСТЕРКА

Иногда нападает такое: что-то упустил во вчерашнем дне. Напрягаешь извилины, анализируешь, чуть ли не поминутно, прожитое накануне. Потом осеняет: вовремя не взялся за то, что откладывал ранее как второстепенное. Немного отпускает, но червячок, что гложет, остается...

Бег времени делает нас всех заложниками некоего конвейера. Дом, работа, дом. На заднем плане остаются привычной декорацией лица родных людей. Которые, кажется, всегда будут с тобой. Потому и живем с ними в формате взятого с утра разгона. Чтобы вечером, дежурно, пообщаться накоротке, отрывая их от нескончаемых сериалов или мультиков. С утра же все по-новой...

Не знаю почему: по сей день не могу забыть то утро. Прямо врезалось в память эдакой занозой. Заночевали, помнится, лет десять назад в недолгой поездке под деревенским кровом на фоне белорецких гор. С первым петухом, живущим за соседним плетнем, открыл глаза — сон, почему-то, ушел. Повертевшись под теплой периной, вышел на свежак. Из-за ближайшей горы выкарабкавалось весеннее солнце, в низинах таял на глазах предутренний туман. Разжег костерок в огороде с краю, подвесил на прут чайник из дома с неостывшей за ночь печи, присел на пенек. И так хорошо мысли потекли! Про то, кто я сам, почему живу, перед кем в долгу, чем добрым могу запомниться тому, кого знаю...

Незримо сидели рядом родители, рано-вато ушедшие из моей жизни, сестра-труженица, неустанной пчелкой отрабатывающая свой хлеб детского врача. Вспоминались первые лепеты детей, их взгляды, полные доверия к твоей большой жизни. И сам ты, не замечающий, подчас, ауру родственной доброты, которая окружала тебя все это время. И стало не по себе в этой благоговейной тишине. Оттого, что не всегда был распахнут для ближних до конца, скуп на добрую улыбку и более долгий интерес к их сиюминутным настроениям. Прошел час-другой, деревушка начала просыпаться, я засоби-рался в тепло сонного дома. Нырнул под одеяло, тут же уснул умиротворенный. А по-утру, встав со всеми, ощутил себя прежним: быстро принимающим решения, взведен-ным на продуманный еще накануне алго-ритм дел... Утренний же катарсис забылся быстро. Но, почему-то, много позже, прожи-тое начало вспоминаться чаще и чаще. Как минуты, когда никуда не хотелось спешить, быстро мыслить, куда-то и кому-то звонить, торопиться за убегающей хронологией дел. Которые никогда не заканчиваются днем нынешним....

Кто-то, прочитав все это, вправе спросить: о чем ты это, братец? Скажу честно: не знаю. И даже не хочу заниматься копанием в себе. Попросту пальцы, независимо от привычной логики рассуждений, начали искать на кла-виатуре нужные буквы, словосочетания, речевые обороты. Одна сигарета за другой, приглушенный звук телевизора с обязатель-ными для самообразования новостями, тишина пустого дома. И я, весь там, в счаст-ливом деревенском утре. Когда по-настоя-щему было покойно на душе. В том состоянии, которого, чувствую, так не хва-тает мне сегодня в бешеном круговороте дел.

С другой же стороны, может, в этом нескончаемом забеге и кроется смысл моего душевного комфорта? Возможно. По крайней мере, иным себя нынче не представляю. Но в том, что не случайно в закоулках сознания сохранилось воспоминание об умиротворенности памятного утра, в чем-то очень важного для меня — уже почти не сомневаюсь. Объяснить же сей факт не могу пока. Ни себе, ни, тем более, постороннему.

...Скоро вернутся с воскресной прогулки жена и дочь. Знаю, что выйду к ним, скажу что-то дежурно-ласковое, потом уйду в кабинет, спрячусь в свой кокон скучного человека. Которого ждет завтра суeta будней, масса мелких и значимых дел, ускоренный бег часовых стрелок. Дом — работа — дом...

А может, стоит хоть иногда находить в своей жизни время для предутреннего костерка, рядом с которым можно будет посидеть в тишине. Хотя бы часик-другой? Или же вечером, после дневного бега по кругу, подсесть к близким людям да поговорить ни о чем?

ПРОЩАЙСЯ С ДРУЗЬЯМИ В НАЧАЛЕ ДОЛГОГО ПУТИ

Наверное, это объяснимо, что с годами отдаляемся от друзей. Раньше я полагал, что есть излишняя красивость в словах популярной у нас на свердловском журфаке песни о том, что «друзья уходят в прошлое, как в память, а мы смеемся с новыми друзьями, старых вспоминая по ночам...» Нынче же убежден, что тяга к конкретным людям есть явление возрастное. Единомышленники, полагаю, нужны нам на определенном косогоре жизни, когда познаем извечные, прописные истины. Что такое, к примеру, честь, долг, верность. После осознания лицемер-

ности бытия, жестокости нравов общества приходит философия одиночки: никто не сможет понять лучше и помочь, кроме тебя самого...

— Ты не прав, старик! — может возразить кто-то. — Твое несчастье, что лишен ты такого счастья, как друг за спиной.

И будет прав. Но лишь отчасти. Скажите, положив руку на сердце: а другу комфортно у вас за спиной? Будучи уверенным в его преданности, готовы ли в любой момент поменяться с ним местами? Чтобы так же, безо всяких раздумий, поступиться принципами, коих у каждого из нас к определенному жизненному пределу набирается немало? Сможем ли пренебречь мелкими интересами, пропустить мимо ушей точку зрения остальной части близкого окружения? Только честно-пречестно. То-то...

У меня лично в памяти несколько имен, которыми дорожу. Это те, кого я считаю и поныне своими друзьями. И они ко мне испытывали, надеюсь, столь же теплое ответное чувство. Но их, увы, уже нет среди живущих. Не буду называть поименно — они, по крайней мере, во мне навсегда. А дороги потому, что ушли в тлен, как ни цинично это прозвучит. Доживи они до дня сегодняшнего, еще не ясно, какие бы сложились у нас ныне отношения. Кого-то, возможно, оттащил бы в сторону корыстный интерес бизнеса, кому-то иную идеологию внедрили другие, более близкие по крови люди. Все возможно. Сам такой в чем-то...

С другой стороны, дружба, считаю, — архаизм для человека, протоптавшего в жизни сотни дорог. Их при всем желании мы не сможем пройти с одними и теми же людьми. Находятся и другие попутчики, которые, вбрасывая твои советы, навязывают в чем-то свое видение жизни. И не факт, что с мне-

нием новых компаньонов согласится тот, кто сделал с тобой первые шаги в этом направлении. Вот тут-то и может наступить первое непонимание в отношениях со старыми друзьями. Пропасть отчуждения с каждым разом будет увеличиваться. Это, увы, придумано не мной. Так было, так будет и после нас.

Потому друзья, я уверен, должны оставаться яркими вехами на нашем пути. Далее с собой тех, кто был однажды дорог, лучше не брать. Пусть живут своей жизнью в одном с тобой временном пространстве. Гуманнее, полагаю, их поберечь. Хотя бы во имя собственного комфорта. И что немаловажно, их душевного спокойствия. Тогда, при нечаянной встрече или в момент редкой дружеской пирушки, не будет неловкости. А только истинная радость оттого, что вдруг увидел родное некогда лицо, прочитав в его улыбке ответную благодарность...

При всем моем уважении к интеллекту мудреца Ларошфуко, не соглашусь с ним, утверждавшим: нужно научиться отличать добро вообще от того добра, на которое мы способны. Истинных друзей, думаю, не следует оценивать по степени расположенности к тебе. Если они, единомышленники, были в твоей жизни, значит, союз был предначертан свыше. Друзей не выбирают по необходимости. И при этом самые настоящие из них отходят в сторону, когда они еще дороги тебе. В этом их истинная человеческая ценность. А вот сможем ли мы вовремя решиться на подобный шаг, чтобы сохранить искренность расположенности друга, — зависит, полагаю, уже от нас самих.

КАКОВ ОН, ВЗГЛЯД ИЗ ЗАЗЕРКАЛЬЯ?

Почему-то иногда хочется верить в существование параллельного мира. Где все, говорят, устроено иначе. Не так, как в нашем измерении. Чище, что ли, правильнее. И что мир тот существует, якобы, как некая модель, построенная на анализе наших ошибок, суждений, непомерных амбиций. Там, что самое главное, отслеживают все наши шаги и поступки, делая при этом выводы для собственного жизнеустройства. Мы же можем попасть туда, лишь отходяв свое в нынешнем измерении. И только для того, чтобы, наконец-то, осознать глубину своего ничтожества...

Предвижу ехидные реплики реалистов — еще один, мол, ударился в мистику. Отнюдь. Всегда был атеистом, им, по всей видимости, и останусь. Как грешил по малости — помню, в большом же святотатстве себя пока не уличал. У тех, кто меня знает, наверняка может быть на сей счет иное мнение. Ничего, переживу.

Я — о другом. А именно о двойных стандартах, которые стали в последнее время скорее правилом, нежели исключением. Мы позиционируем себя праведниками чаще, чем раньше, когда лицемерие считалось очевидным пороком. К примеру, в недавнем прошлом главенствовало дело, слово же объясняло мотивацию или служило оправданием. И по степени убедительности аргументов судили позже о сделанном тобой. Нынче же впереди конкретики превалирует словесный блуд, сотрясание воздуха пустопорожними лозунгами и призывами. Тут нам нет равных: и цитероны мы, и платоны. На баррикады, ежели что, людей созовем, на возведение нового БАМа желающих организуем. Правда, сами при этом затеряемся в последних рядах провожающих...

Словоблудство сегодня становится, увы, признаком активной жизненной позиции. Мы подчас готовы рассуждать часами о необходимости перемен, о методах переустройства мира, о причинах наших неудач. Но как только черновая работа требует исполнителей, от говорунов не остается и следа. Они уже на другом конце базара, где народ еще верит ушами. Загляните в Интернет, — каких только типажей там нет! И обличители, и поучители, и скорые на злобный комментарий тролли, зачастую прячущиеся за безликими никами. Они о вас знают многое, мудры как черепахи, безгрешны как девственницы. А копни такого — вони не оберешься!

...Не исключаю, что желание оказаться в параллельном мире живет в каждом из нас. Если он существует именно в том представлении, каким его рисуют идеалисты. Но скорее всего другого измерения, где иные ценности и нравственные ориентиры, попросту не существует. А жаль. Полезно было бы посмотреть на день сегодняшний из завтрашнего Зазеркалья праведными глазами: а вдруг бы нашел возможность послать себе некий знак для нравственного излечения среди ныне живущих?

УСТАЛОСТЬ ОТ СЕБЯ — НЕ УСТАЛОСТЬ

Не понимал прежде Михаила Чванова. И годом раньше, и два десятилетия тому назад, когда маститый писатель в своей вежливо-сердитой манере отказывался от предложения поучаствовать в очередной телевизионной передаче. Иногда даже раздражение подзуживало журналистские амбиции: мол, возомнил себя выше всех, гений современной русской словесности! Нынче же каюсь за столь неблагоприятные мысли! Уж простите меня великодушно, Михал

Андреич, не прав был! А начал понимать подобную закрытость от всех, как мне кажется, только теперь. Когда сам почувствовал первые признаки некой усталости от прожитых дорог, от понимания очевидного, прописанного мудрецами в ветхих книгах задолго до нашего дня.

Странное дело: у нас в одинаковой мере не любят как праведников, так и грешников. Наверное, оттого, что и те, и другие, в отличие от большинства, искренны в своей убежденности. Проще, конечно, быть в стороне от необходимости какого-либо действия: в этом случае совесть будет дремать до прихода вечного сна. А то, что душевного комфорта в тебе нет, — не беда! Это, дескать, слюнявая мнительность, которая в наш энергичный и расчетливый век не красит портрет идеального современника. Соглашусь отчасти. Лишь отчасти. Потому как никто не отменял правоту мнения: «Я мыслю, а значит, существую!». Лично мне ближе иная трактовка: все, что было со мной, — мое.

Предназначение журналиста — не только разговоры разговаривать, как весьма прямолинейно понял мои прежние слова один из читателей сайта «Общественной электронной газеты» с откровениями колумнистов. Вовсе не так. Это, к сведению, лишь особенность ремесла. Соглашусь, что тот, кто занимается нашим делом, сам далеко не идеал. Он, во-первых, лишь продукт своего времени. Во-вторых, понимание истинной значимости профессии для иных приходит, порой, с годами, когда особой востребованности в тебе уже нет. Оттого я и не знаю счастливого судьбой собрата по нашему цеху, который мог бы сказать: ухожу из профессии, потому как сделал все, чего от меня ждали...

Помню чувство одиночества, когда неожиданный резонанс получил рядовой по

нашим меркам телевизионный репортаж о коррупции в высших эшелонах башкирской власти. Тогда, после выхода в эфир журналистского расследования о многочисленных злоупотреблениях при строительстве коттеджного «чудо-городка» в пригороде и элитного дома в зеленой зоне Уфы, в отставку добровольно ушел очень высокопоставленный чиновник. Ушел честно, по-мужски. Потеряли работу несколько министров, руководители республиканских ведомств, уличенные в нарушениях. Были среди них и те, кто, лишившись материальных благ и хлебных должностей, пригрозили мне мстостью. Вместе с тем, их политические оппоненты, выигравшие в результате неожиданного для них журналистского выступления, радостно потирали руки, народ же бурно обсуждал политический скандал на кухнях. Мне же было не до них: пострадавшие чиновники обещали ударить чужими руками по самому больному — по детям. Судьба журналиста после сенсации уже никого не интересовала — ни власть, ни общество. Спасибо хорошему человеку-бизнесмену, который, не задавая лишних вопросов, приставил временно к моему малолетнему сыну охранника. Каждое утро я провожал взглядом их, идущих в сторону детского сада. Там бывший спецназовец, переехавший в башкирскую столицу из Узбекистана, сидел весь день в небольшой комнате, вечером сопровождал ребенка до квартиры, молча кивал головой до следующего утра. В душе в те дни жила пустота, выбранное однажды ремесло уже не казалось подарком судьбы. Через месяц острота угрозы, к счастью, спала. Вот так мы, журналисты, порой «разговоры разговариваем»...

И все же Михаил Чванов дал согласие как-то на интервью. Беседовали мы с ним на

балкончике Дома-музея Аксакова, святом для писателя месте. Усталый взгляд собеседника донес до меня очевидную истину, которую до той минуты я, видимо, не понимал: каждому из нас отмерено свое. И от того, насколько ты останешься честным перед собой, зависит многое. Пусть тебя не поймут или же не примут другие, делай, что считаешь смыслом жизни. Или же плыви по течению, но не ропщи потом, что даже осудить себя будет не за что. Прав ты или нет, однако этим ты жил. И тогда, думается, усталость во взгляде кем-то будет, возможно, понята...

ПОМНИ В СЕГОДНЯ ВЧЕРАШНЕЕ...

Наверное, это правильно — не жить прошлым. Вернее, одним прошлым. Ностальгия по дням минувшим хороша, как мне кажется, лишь в одном случае: когда вспоминается доброе в ушедшем без привязки к нынешним реалиям...

Сегодня, как никогда, на мой взгляд, сильно расслоение поколений по взгляду на день вчерашний. Потому-то для одних грядущая неделя — череда «красных дат», с которыми связана история некогда большой страны. Для молодого поколения начало месяца — заметное глазу пробуждение природы: ранняя листва и зелень газонов, над которыми уже витает терпкий черемуховый аромат. Убеленные сединами наверняка начнут припоминать первомайские демонстрации, единение в праздничных колоннах под красными транспарантами и стягами, молодые же — радоваться наступлению погожих деньков. В сущности, в наших душах должна была бы царствовать всеобщая благодать. И деление по возрастам при понимании содержания грядущего праздника — естественный процесс смены поколений. То, что

в недавнем вчера было нормой, сегодня становится историей. И к этому, наверное, нужно относиться с пониманием.

Мои дети, к примеру, живут днем сегодняшним. Потому как минувшее ничем особенным не выделялось. Позапрошлый май для них был схож с весной прошлого года — простая календарная арифметика. Сам же скорее всего невольно вернусь на какой-то миг в воспоминаниях к красногалстучной обяzałовке — участие в праздничной демонстрации. Когда разбирали меж собой флаги и портреты членов Политбюро, выравнивались колонной под возбужденные команды пионервожатых и учителей. Нет, мы не были в конце 60-х идеологически вымуштрованной детворой. В наших глазах не горел фанатичный огонь, но вместе с тем мы не боялись того, что во имя великих идей придется терпеть голод и холод, неведомые, к счастью, моему поколению. Верили в торжество справедливости, гуманизма, были честны, искренни в словах и делах. Потому, как и родители наши, были убеждены в непогрешимости идеалов, по которым жил тогдашний простой люд. И это, наверное, было здорово!

Нравственный стержень, заложенный периодом безоблачного детства, помог позже нам, тридцатилетним, стать цементирующим каркасом общества после распада СССР. Из нашего поколения вышли первые кооператоры, «челноки», репортеры эпохи горбачевской гласности...

Нынешнее расслоение поколений по мировоззрению — явление, думается, закономерное. Страна, пережившая за последнюю четверть века ломку через колено, должна была выстоять за счет коммунистического фанатизма нынешних стариков, эрудиции моих начитанных сверстников, получивших

в тогдашней большой стране отличное образование. Теперь по эстафете уже мы должны передать чувство благодарности истории детям. А вот как они распорядятся нажитым — забудут напрочь рассказанное или поделятся памятью с нашими внуками, решать им. Лишь бы не учили их строить день грядущий на голой обструкции прошлого. Иначе, боюсь, не получат должного уважения уже от своих потомков.

...Жить одним лишь прошлым, полагаю, глупо. В особенности тем, у кого оно пришлось на слом эпох. А вот более молодым, пожалуй, следует отнестись снисходительно к истории — топтаться на чужой памяти глупо. То, чем жили до тебя — не твое. Ревизию минувшего лучше проводить по собственным следам. И пусть кто-то в первый день мая вернется мыслями в праздничную колонну, вспомнит ладонями отполированное руками отцов и старших братьев древко кумачового стяга. А кому-то, возможно, в этот день захочется в дружеской компании уединиться на лоне природы — порадоваться жизни под шашлык да вино. Особо же трудолюбивый поспешит на свои шесть соток: ему что праздник, что лишний выходной — была бы законная возможность создать задел на будущий урожай. Каждому, как говорится, свое...

ВЧЕРАШНИЕ ВЕЩИ

Старые смесители и душевые «гусаки», россыпь значков времен СССР, небогатый набор отверток и гвоздодеров, «запиленные» временем CD-диски, которые настоящие меломаны даже из любопытства не вставят в обойму домашнего чейнджера... Все это богатство пенсионного вида продавец по понятной только ему одному логике разло-

жил рядками на большом куске полиэтилена. Рядом скучал его коллега — такой же частник, раскинувший самобранку-прилавок в тени кривого от времени тополя. Я же, редкий покупатель одного из стихийных городских базарчиков, читал боковым зрением слабую надежду в глазах торговцев: а вдруг? Никто из них свой товар не нахваливал — видимо, не принято. И зачем? Ну, не купят сегодня у тебя старую вещь — не страшно. Найдется, возможно, свой покупатель в следующий раз...

Как часто ловим себя на том, что не поднимается рука отправить в утиль отслужившую в хозяйстве вещь. Вышедший из моды, но еще исправный уют или же чугунную сковороду, не вписывающуюся в современный кухонный лик «хай-тека». Куда девать вешалки из прихожей, на которой ночевали в свое время плащ отца и модное мамино пальто? А лыжи выросших детей, неходовые нынче велосипеды? Ладно, старую одежду можно утрамбовать в громоздкие картонные коробки из-под телевизора для будущего садово-огородного сезона. Правда, ее набирается столько, что на взвод хватит! Вся эта рухлядь складывается на балконе, куда в дни застолий невозможно вывести гостей на перекур, вываливается из набитых под завязку шкафов, свешивается, омрачая взор, с антресолей. Бывает, что удастся раздарить часть старых вещей родственникам, кое-что после бурной семейной ревизии отправляется в придворовой мусорный бак. А оставшееся хозяин семьи, выйдя на пенсию, рискнет разложить на большом куске полиэтилена в базарный день...

В одну из своих поездок в Париж, помнится, оторвался от компании друзей, выскользнул поутру из отеля и рванул на такси в сторону Сент-Уана — знаменитого

блошиного рынка. До этого тайком побродил один по вечерним закоулкам площади Пигаль с ее «красными фонарями», а днем раньше любовался под чашечку утреннего кофе вдохновением ранних художников на холме Монмартр. Так я открывал для себя другую французскую столицу, не рекламируемую в наших туристических каталогах. Но Сент-Уан, честно признаюсь, меня разочаровал. Типичная по своей назойливости толкучка с крикливыми торговцами, не более.

И подумалось нынче: наш народ выходит на местные базарчики не только ради малого барыша. Приятное душе, конечно, дело, когда вернешься домой с сотней-другой за проданную вещь. И тебе послужила свое, и другому, глядишь, стодится в хозяйстве. Но добавка к скромному домашнему бюджету — видимая часть стихийной торговли. Мне кажется, большинство продавцов, люди, в основном, пенсионного возраста, жаждут другого — побыть подольше среди людской гущи. Посидеть полдня на майском солнышке после стылой зимы, переброситься парой слов с зеваками, глотнуть на прощанье пивка с соседом-торговцем — это не четыре стены затихшего в одночасье дома! Дети уже в своей жизни, жена вся, глазами и душой, в очередном телесериале. Есть у уличной торговли и практическая польза. Вся ненужная уже тебе утварь, что годами копилась в доме, заживет второй жизнью. Можно было, конечно, подарить соседу. Но не факт, что он не выбросит ее на свалку — что пришло даром, как известно, не ценится. А купил за символическую сумму — сбережешь.

Любовь к старым вещам сильна в каждом. Независимо от того, богат ты или беден. В крови у нас бережливость, не поддающаяся логике. На кой ляд, спрашивается,

в хозяйстве старый молоток или ножовка, мясорубка или разделочная доска? Пойди ты в ближайший хозмаг: там новые, самого современного дизайна вещи стоят относительно недорого! Ан нет — храним. И не в возрасте тут дело. Сужу по своему среднему сыну: парню чуть за двадцать, а всю большую кладовку забил под завязку устаревшими магнитофонами, запчастями проданной давно машины. Нашлось место даже покосившемуся от времени креслу.

Лично я, перебравшись в очередную квартиру, стал безжалостно выносить на свалку вещи вчерашнего дня. Которые, почему-то, не поленился упаковать при переезде, доставить в новое жилище. Значит, сам такой же, как и все мы. Но теперь решил: пустой балкон и просторная кладовка не только будут радовать глаз, но и настраивать в первую очередь на день завтрашний. А вчерашнее, хорошее, постараюсь не забыть. Для этого вещи-напоминания, полагаю, не потребуются. Если же на исходе лет нужен будет повод для хождения в народ, пойду не на базарчик продавать старую утварь, а поброжу бесцельно по улицам в поисках знакомых лиц. Вдруг кого-то да встречу...

РОДИТЕЛЬСКИЙ КРЕСТ

Педагогика — вещь, согласитесь, непростая. Особенно, если в роли безмолвной паствы выступают собственные дети. Да, прописные истины, которые передаешь дошколенку, бесспорны, как библейские постулаты: не укради, не убий, не возжелай... С подобной жизненной установкой во взрослый мир вступает большинство нынешних детей. Но когда неокрепшее мировоззрение обогащается первым жизненным опытом, умение достучаться до сознания вчерашнего ребенка

становится уже искусством. Родительским даром, если хотите.

Моему поколению было проще. Наши родители — помните? — не заморачивались педагогическими хитромудростями. Тогда, в большинстве своем, азы жизненных устоев в семьях дети впитывали из неписаного домашнего устава. Нравственные границы «нельзя-можно» читались в жестах и взглядах старших — этого было вполне достаточно. Сам быт советских людей напрочь отрицал любое детское инакомыслие. В юное сознание отработанную десятилетиями стройную систему кодекса поведения встраивали воспитательницы в садике, доводили до совершенства первые учительницы (почему-то мало было в те годы педагогов мужчин). И все: в отрочество мы входили готовыми «к труду и обороне» представителями дружного советского монолита.

Сегодня многое иначе. Детсадовско-школьное влияние педагогов начинаем дублировать и дополнять уже дома. Потому как жизнь иная, да и чужие воспитатели — далеко не сухомлинские с ушинскими да макаренки. Буквально лет с трех начинаем знакомить ребенка с правилами безопасности на улице. Если вдруг окажется он ненадолго без родительского пригляда. Нет, я не о правилах поведения на сегодняшних дорогах и лихачах, для которых даже тротуар спокойного двора — автотрасса. О них тоже помним ежечасно. Горечь в напоминании других табу: нельзя, мол, заходить в глухой переулок или идти за гаражи с чужим дядей смотреть на забавного котенка, входить в кабину лифта с посторонними...

Подросших до класса пятого-седьмого, начинаем подозревать в дружбе с сомнительными приятелями-подругами, принимаем к одежде, роемся тайком в их карманах.

Целая наука для родителей — диалоги, что называется, с глазу на глаз с подростком. Как объяснить молодому человеку, что многие поступки взрослых не есть образцы нравственности, коим надо следовать и которых завтра вчерашним школьникам необходимо придерживаться? Да, дитя мое, объясняем мы, дескать, вынуждены порой так поступать — обстоятельства, черт бы их побрал! Но ты-то должен быть лучше нас! Вот тут-то возникает некий диссонанс. Мы намеренно снижаем планку незыблемого родительского авторитета ради идеала, до которого хотели бы приподнять свое потомство. Только сможет ли правильно оценить подобную жертвенность молодой человек? Поверит ли он в искренность побуждений самых близких ему людей?

Я, к примеру, люблю родную сторонку. Где все обустроено по моему мироощущению. Но своим детям желаю иного будущего — без копирования моего жизненного опыта с мелкими радостями и памятными горчинками, который скопил ко дню сегодняшнему. Сына, к примеру, хотел бы видеть в добропорядочных европах и канадах, дочку — в безопасной для слабого пола стране, внука — человеком новой формации. Готов даже жизнь положить на плаху. Но, увы, она не той стоимости товар, денег за который хватит на осуществление подобной мечты... Однако отказываться от тайного желания не хочу! Хотя и отношу себя еще к тем патриотам. Даже державникам, если угодно!

...Мой отец когда-то не стал мешать мне в выборе жизненного пути. За что ему и благодарен. Как и той стране, что помогла встать на ноги. Но ныне, увы, ситуация другая. У детей нет иной подпорки в выборе завтрашнего мировоззрения, как слово

и плечо близкого человека. И еще — его финансовые возможности. С последними же у большинства — положение далеко не мажорное. Потому-то быть нынче педагогом для своих чад — не столько наука, сколько крест. Все мы, взрослые, стоим перед дилеммой: нести этот крест до последнего или же прислонить непосильную ношу к ближайшему дереву, а самому устало свернуть на обочину? Вопрос этот в наши дни каждый решает, что называется, наедине с собой. А потом отвечает самому себе: «Для чего жил?».

ОТПУСТИ МЕНЯ НА ВОЛЮ, НАЧАЛЬНИЧЕК...

Они входили по одному — так положено. Взгляд, уставший от тесной кубатуры камеры и строгих, по уставу, офицеров, с порога начинает бегать по лицам членов комиссии. Руки по швам, черная кепка содрана со стриженной головы. Очередной заключенный «девятки» (тюрьмы в северной части Уфы) скороговоркой выпаливает доклад, заученный, видимо, задолго до нашего прихода: фамилия, статья, наличие поощрений. И в конце — «Добрый день, гражданин начальник!». Для нас, членов комиссии «по оценке поведения осужденных и определению условий отбытия наказаний» (по-простому — ослаблению тюремного режима или согласию на условно-досрочное освобождение), день, возможно, с утра и сложился по-доброму. А вот для него, вряд ли... Что там может быть светлого в беспросветной череде долгого существования за решеткой?

Нет, я не оправдываю и не хочу понимать закоренелых преступников. Особенно педофилов. Попадай один из них мне, как гово-

рится, в момент посягательства на ребенка — убью, поднатужившись из последних сил! Потому что жить среди людей подобная мразь не имеет права — мое личное убеждение. Но те, кто переступал порог комнаты, где заседала комиссия, по большому счету были горемыками по жизни. Коих среди нас, увы, немало. Деревенский безработный, в пьяном угаре угробивший собутыльника, наркоманы, пошедшие на мелкие кражи ради дозы дурмана, пацанье, пойманное с отобранным у кого-то мобильником...

Больна страна, а мы боремся с отдельными проявлениями недуга! Нет, наказание за провинность должно быть. Это очевидно. Но оно, к сожалению, горько ныне своей излишней строгостью и избирательностью: среди заключенных, просившихся в тот день на послабление режима или УДО (условно-досрочное освобождение), не было ни одного взяточника, высокопоставленного чиновного вора, самодура-начальника, подтолкнувшего слабого духом на суицид. В комнату один за другим входили люди, мелкие по своей значимости, кого можно было бы в свое время взять за шкирку, да и отправить на шконку. С затравленным и потухшим взором, готовые смиренно принять любой вердикт. Те, о которых писал Варлам Шаламов в «Колымских рассказах». Помните? «Мы поняли, что жизнь, даже самая плохая, состоит из смены радостей и горя, удач и неудач. И не надо бояться, что неудач больше, чем удач...»

Кстати, о шаламовских сидельцах, «мотавших» сроки на северах. Судьба с такими, к примеру, столкнула меня еще на пороге взрослой жизни. Тогда нас, будущих горняков из башкирского Сибая, местный техникум отправил на самый север Чукотки, в рабочий поселок Певек. Партнеру учебного

заведения, объединению «Северовостокзолото», нужна была очередная партия крепких ребят на дальних приисках. Поездка считалась престижной и по деньгам выгодной, потому брали не всех. Только тех, кто хорошо показал себя в учебе, не боялся физической работы. Из рассказов старшекурсников мы уже знали: иной день по двенадцать часов без разгиба надо будет подкидывать лопатой из приемного бункера на транспортерную ленту промприбора земляную массу. А она шла вперемешку с оловянной рудой — касситеритом. Вес ее был еще тот, не легче жидкого бетона! Но и платили сумасшедшую зарплату — почти в десять раз больше, чем на «материке». Мы, восемнадцатилетний молодняк, получали в месяц до тысячи рублей! А на дворе, между прочим, было начало 70-х. Тогда такая сумма считалась еще теми деньжищами! Жили в рабочей общаге, половину которой занимали бывшие зеки: крепкие мужики-бульдозеристы. Почему-то, помнится, в основном, народ с Украины. Нам, не нюхавшим жизненного пороха, сидельцы-ветераны и порассказали о крутых нравах жизни на зоне. Это сейчас многие знают нехитрые заповеди из общедоступной литературы: мол, не верь, не бойся, не проси. А там мы воочию видели, как поступают с «крысами», людьми двуличными. При мне одному из них, неплохому, в общем-то, человеку, отрубили четыре пальца правой руки за воровство у своих. Может, оттого я легко нашел потерянную пачку рублевки из первого аванса наутро в общем коридоре под своим грязным сапогом? Которую, видимо, выронил, когда переобувался в тапки...

К чему это отступление о тюремных нравах? Да к тому, что многие из тех, кто ныне сегодня сидит за решеткой, — жертвы, счи-

таю, жизненных обстоятельств и собственной глупости. Это не матерые уголовники в большинстве своем, а вполне обычные, в общем-то, люди из нашего многоликого сегодня. И условия в колониях теперь другие, относительно приемлемые: устанавливают, к примеру, даже видеотелефоны для общения с родными, ремонтируют актовые залы и библиотеки, ищут аппаратуру для музыкальных ансамблей, создают свои телестудии. Но тюрьма от этого не перестает быть тюрьмой. От которой в России зарекаться не стоит никому. Такова страна наша нынешняя...

...Мы в тот день дали «добро» большинству сидельцев. Кто-то уйдет после судебного утверждения нашего решения на свободное поселение, кого-то ждет долгожданное УДО. Но лично я не уверен, что жизнь у некоторых из них изменится в лучшую сторону и станут они уже завтра вровень с нами. Конечно, кое-кто может и упрекнуть нас: не надо было излишнюю мягкотелость на комиссии проявлять! А вот вы сами посидите на ней, посмотрите в глаза осужденных, в которых умирает не только надежда, но и всякая вера в смысл жизни! И тогда, возможно, в ином взоре, как в зеркале, увидите собственное бессилие перед сегодняшней очевидностью. С ее заоблачными ценами на самое насущное, той же безработицей на селе, чиновниками-хапугами, двойной моралью, падением нравов. Поднимется ли у вас тогда рука написать на заявлении сидельца отказ, а?

АТЛАНТЫ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Мои наручные часы остановились с последним оборотом вагонных пар. Странно: поменял, вроде как, батарейку месяц назад — мастер заверил, что в ближай-

шие год-два за ход своего швейцарского хронометра могу не беспокоиться. Потому и подумалось тогда: а может, в случившемся скрыт некий сакральный смысл? Что с возвращением в город юности время для меня остановилось не случайно?

Наш выпуск журфака Уральского университета начала 80-х с годами собирается теперь лишь по круглым датам. Оно и понятно: всем за пятьдесят и более, семья, работа, большой разброс в расстояниях между нами... Мои однокурсники нынче — настоящая интеллектуальная элита Урала и Сибири. Одна стала политическим авторитетом в Красноярске, другая рулит информационным полем среди законодателей Читы, а целое мужское братство правит бал в правительственном издании Екатеринбурга. Иные заимели собственные СМИ: семейный тандем, к примеру, издает в Кургане журнал для садоводов, еще один в Богдановичах царствует на FM-частотах. Словом, многие при делах. Тот же, кто отошел от профессии, нашел себя на ином поприще. Есть, увы, и потери: ушли от нас Славка Селиванов, Тетеркин, Валерка Менделевич, Пучков, Чепкин, Жека Анисимов...

Моему поколению, считаю, повезло с приходом в профессию. Не только в качестве новоиспеченных газетчиков, но и молодых специалистов на заводы, КБ, «зеленых» следаков в правоохранительные органы. Нас приняла взрослая жизнь, когда на дворе еще не пахло перестройкой — началом конца большой страны. Мы были вскормлены советской идеологией, а значит, высокие нравственные принципы впитали с материнским молоком. На раз-два отличали показуху от искреннего рвения сделать порученное дело на совесть, подлость от несправедливости, рвачество от желания взять самое труд-

ное на свои плечи. Может, оттого те, кому сегодня за пятьдесят, в большинстве своем костяк любого коллектива? Нет, мы не были лучше предыдущих — убежденных строителей коммунизма. Но, однозначно, не стали хуже последующих — вскормленных в эпоху дикого капитализма. Нам выпала участь некой золотой середины, атлантов, обреченных принять на свои плечи вывихи истории. Ныне мое поколение в нескольких шагах от финиша: в трудовых книжках, по всей видимости, уже новых записей не будет. Что ж, все закономерно. Через пару-тройку лет можем сложить оружие со спокойной душой — нам довелось в силу исторической необходимости стать частью фундамента, на котором устояла страна в годы хаоса начала 90-х.

...Часы, которые вдруг забарахлили в день недолгого возвращения в свердловское прошлое, оживил позже. Когда уже наобнимался вдоволь с однокурсниками, посевшими и помудревшими. Для которых, как и для меня, хотя бы на день, но время, похоже, остановилось. По крайней мере, мне так показалось...

ФАСТ-ФУД КАК ПРАЗДНИК ДЕТСТВА

Многоголосо шумел субботний «Макдональдс». В последний выходной лета центр уфимского микрорайона Сипайлово — средоточие больших магазинов — в людском внимании недостатка явно не испытывал. Оно и понятно: на носу начало очередного учебного года. Деловитые мамыши, замороженные шопингом отцы и возбужденная детвора по непонятной броуновской логике перетекали из одного торгового комплекса в другой. Мерили обновки для первого сентября, набивали новенькие ранцы тетра-

дями, прочей канцелярской мелочевкой. Иные, насытив покупательские запросы, вели чад в яркие забегаловки быстрого питания за возжеленными наборами «Хэппи Мила» — детского фаст-фуда.

Сегодня «Макдоналдсы» — неотъемлемая часть городского интерьера любого, мало-мальски крупного российского мегаполиса. И процесс простого перекуса, что называется, на скорую руку стал чуть ли не национальным трендом. Для ребенка провести собственный день рождения в зальчике забегаловки — вообще предел мечтаний! Однако гораздо более глубокий след в душе наверняка оставит поход в «Макдональдс» у детворы из сел и небольших райцентров, коих в эти предсентябрьские дни родители везут для похода по уфимским магазинам. Почему-то уверен: каждый второй из них непременно довезет до дома пустую яркую коробку от «Хэппи Мила» как память о самых счастливых минутах соприкосновения с соблазнами большого города.

Сам я в детстве далекую от нашей деревни Уфу воспринимал лишь как скопище высоких домов. Запомнились, правда, звенькающие на поворотах трамваи, большое количество лотков и киосков с мороженым на любой вкус да сладкий лимонад, который с шипением выдавали уличные автоматы (позже удивился некрасивости их названия — сатураторы). Единственная в те годы поездка в большой город оставила у меня, пятилетнего пацана, ощущение доброго праздника. Не было и зависти к уфимским сверстникам, которые каждодневно ходили по этим красивым улицам. Мне тогда казалось, что жизнь на берегах Сакмары, походы по ягоды в близлежащий лес и игры на окoliце села не менее интересны. Позже, в годы отрочества в горняцком Сибее, также не

манила столичная жизнь: будущее было расписано старшими поколениями на годы вперед. Разве что уфимских ребят не любили за спесь — поколачивали частенько у озера Талкас, куда они приезжали с родителями в тамошний дом отдыха.

Нынче все, увы, не так. Огни большого города для многих как маяк выживания. Я понимаю их: малолюдные до тоски сельские улочки, частая хмельная злоба небогатых соседей и скудный набор развлечений в субботний день душевному комфорту не способствуют. А там и вечерний телевизор яда добавит картинками из красивой жизни мегаполиса...

Для кого-то сегодня Уфа — предел мечтаний. А кому-то и ее статус кажется провинциальным. Есть ныне и такие, кто уже из Первопрестольной рвется в Европу или Канаду. Словом, жить и умереть в Париже! Наверное, это — процесс естественный, но... Есть у меня друг с бесшабашного студенческого прошлого. Живет теперь в Израиле, писал, что занимается успешно бизнесом, доволен семейным уютом. И что имеет домашнюю студию звукозаписи, где как музыкант отдыхает душой. Так вот: вторую неделю подряд пересылает мне по Интернету свои новые песни. Причем без комментариев. И все они мелодичные, с добротной аранжировкой — хоть на большую публику выноси! Только все песни с грустинкой, какая-то безысходность прослушивается в них. К чему все это у него? Может, понял какую-то истину, о которой сказать мне пока не решается?

...Уходил я из «Макдональдса» в непонятном минорном настроении. Зашел вроде как перекусить по-быстрому, да что-то всколыхнул во мне взгляд ребенка, сидящего за соседним столом. По репликам родителей

понял — приезжие, из деревни. Долгий поход по магазинам их утомил, все проголодались. Но мальчуган открывать свой красочный набор не спешил: обняв крепко яркую коробку «Хэппи Мила», растягивал, по-видимому, свой маленький праздник как можно дольше...

ДУМА У РОДИТЕЛЬСКОЙ МОГИЛЫ

Зарядило, похоже, надолго. Еще в ночь на воскресенье начало моросить, и, если верить долгосрочному метеопрогнозу, возвращения в «бабье лето» уже не будет. Вторую половину осени синоптики предполагают слякотной — дожди вперемешку со снегом. Хорошо хоть с сестрой успели в последнюю погожую субботу исполнить обязательный перед зимой ритуал — навестить родительские могилы на Южном кладбище. Собрали опавшую листву да пожухлую траву из-под елки у последнего пристанища матери, у отца покрасили заново ограду и памятник...

Возможно, выскажу кощунственную для некоторых мысль: меня всегда смущала демонстрация показного горя у могил давно ушедших. Ушедших по возрасту, проживших честно. Особенно грешат этим ради вящей убедительности киношники. Что наши, что голливудские. Иное дело, всегда свежие букеты и игрушки у подножий детских обелисков... Здесь, увы — незатихающая с годами родительская боль утраты. Утраты, которую не пожелаешь никому!

Навещать же могилу стариков нужно, полагаю, для гармонии с собой. Это как тест на соответствие нормам морали. Не выпадаешь ли ты со временем из них, соблюдаешь ли неписанные правила общежития? С другой стороны, если в суете будней забываешь почтить память ушедших, будет ли

уверенность, что станут помнить тебя самого? Прийти, подправить оградку, постоять недолго у родительской могилы — это как бы миг самоанализа. Никто не помешает тебе в такие минуты уединения укорить себя за вчерашние промахи, простить заклятого врага, оценить искренность любви живущих рядом. Место такое: двойные стандарты, которые нас окружают ежечасно, здесь неуместны.

Мои родители были людьми обыкновенными. Простыми, без нынешней зауми. Отец всю жизнь следовал духу своей эпохи: детдомил, воевал — выжил под обстрелами и в атаках, потому что призвался в армию за два года до начала Великой Отечественной. Встретил огненный 41-й бывалым сержантом, комиссовался по ранению капитаном, командиром стрелкового взвода. Позже строил со всеми страну победившего социализма. Мама от зари до зари горбатилась на колхозных полях, учительствовала, была знатной певуньей и плясуньей у себя в Баймакском районе. Рассказывала с гордостью, как однажды даже выступала на каком-то танцевальном конкурсе в послевоенной Уфе. Старость родители встретили достойно: порадовались за умницу-дочь, схоронили старшего сына, успели понянчить внуков — наших детей. Словом, пожили — дай Бог каждому!

Оттого возле их могил не испытываю печали. Ее попросту нет, потому как свой путь по земле старики мои прошли, как, видимо, и хотели. Без излишеств, конечно же, под заслуженно заработанной крышей над головой, с ухоженным садовым участком в пригороде Сибая. Уже пенсионерами перевез в Уфу. Где доводилось им, к примеру, сталкиваться на улицах лицом к лицу с кумирами сцены, о чем мне мама каждый раз

с восторгом рассказывала. Я же лишь снисходительно улыбался: их-то, известных артистов и писателей, я чуть ли не каждый день в нашей телестудии видел.

...Говорят, есть такая примета: уходя с кладбища, не принято оглядываться. Чтобы, значит, не сократить раньше времени свое пребывание в этом мире. Не знаю почему, но суеверие соблюдаю. Хотя, по большому счету, все это предрассудки. Финал жизни, считаю, зависит не от тебя, он прописан, уверен, свыше. Важно другое: каждый божий день должен идти тебе на пользу. Тебе и тем, кто рядом. А каким ты запомнишься в этом мире, так и помянут потом. Возможно, не забудут по поздней осени заглянуть на погост, чтобы заботливо поправить оградку на могиле. Или не придут, что хуже...

— Слушай, что-то не по себе в последнее время, — признался как-то, задумчиво глядя на недопитый бокал, приятель со студенческой поры, благополучно осевший ныне в сытой европейской стране. — Чего-то не хватает. Может, старею?

Я не нашелся, что сказать ему. Не знаю ответа и ныне. Потому как иные истины ищем до последнего своего часа. В этом и кроется наша суть — идти, пока есть дорога. А там уж все едино: рассудят другие...

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Глава первая	4
Глава вторая	7
Глава третья	10
Глава четвертая	12
Глава пятая	17
Глава шестая	20
Глава седьмая	23
Глава восьмая	28
Глава девятая	32
Глава десятая	37
Глава одиннадцатая	42
Глава двенадцатая	47
Глава тринадцатая	51
Глава четырнадцатая	65
Глава пятнадцатая	70
Глава шестнадцатая	74
Глава семнадцатая	79
Вместо послесловия	91
Отдельные главы из книги «От ноября	
до ноября, или Путешествие из СССР	
в Россию»	93
Прости меня, Элгуджа!	94
Книги — обои вчерашнего дня?	97
Катарсис предутреннего костерка	99
Прощайся с друзьями в начале	
долгого пути	101
Каков он, взгляд из Зазеркалья?	104
Усталость от себя — не усталось	105
Помни в сегодня вчерашнее	108
Вчерашние вещи	110
Родительский крест	113
Отпусти меня на волю, начальник... ..	116
Атланты переходного периода	119
Фаст-фуд как праздник детства	121
Дума у родительской могилы	124

Благодарю ГУП ТРК «Башкортостан»
за помощь в издании книги.

Автор

Публицистическое издание

САИТОВ Азамат Файзиевич

В КРАЮ НЕСГИБАЕМЫХ КУРАЕВ

Ответственный редактор Галина Карпусь
Корректор Ирина Дашкина

Подписано в печать 12.03.15 г. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура LazurskiC. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,0. Тираж 3000 экз. Заказ 2.0035.15.

Государственное унитарное предприятие
Республики Башкортостан
Уфимский полиграфкомбинат.
450001, г. Уфа, пр. Октября, 2.